

9(с)13
К 22

В. Ф. Каржавин

СТЕПАН РАЗИН

В СИМБИРСКЕ

Ульяновск 1947.

Д. Ф. Каржавин

ПРОВЕРЕНО 1951

9/с/13
1222

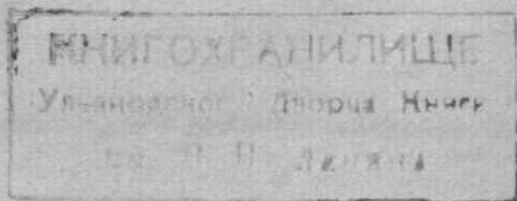
СТЕПАН РАЗИН

В

СИМБИРСКЕ

Под редакцией
кандидата исторических наук
Н.П. Гриценко

(К трехсотлетию города Ульяновска)

Ульяновск, 1947 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крестьянская война под руководством Степана Тимофеевича Разина имеет огромное значение в истории нашей Родины.

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства».*

Крестьянская война 1670—1671 г. г. по охваченной территории, по количеству участвующих крестьянских масс и угнетенных народов является ярким образцом классовой борьбы XVII века. Ведущую роль среди восставших занял русский народ — русские крестьяне, посадские и работные люди, объединявшие вокруг себя другие угнетенные народы в борьбе с бесправием и произволом.

Крестьянские войны по праву занимают важнейшее место в истории классовой борьбы как русского народа, так и других народов СССР.

XVII век обилен крестьянскими восстаниями. Московские люди называли его «бунтующим временем».

На рубеже XVII века феодальные отношения между помещиками и крестьянами были закреплены рядом законодательных актов, ухудшавших положение крестьян. Царский указ 1597 г. всех крестьян, бежавших за последние пять лет от своих владельцев, заставлял разыскивать и возвращать на старые места. В указе записано, что «за пять лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещикам из-за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичим и вла-

*) И. Сталин — Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Госполитиздат, 1938 г., стр. 8.

дичним детем боярским и монастырских сел приказчиком и служком, давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил». Указ царя Федора Ивановича ликвидировал последние остатки Юрьева дня; крестьяне навсегда потеряли старинное право перехода от одного владельца к другому.

Тяжелое экономическое положение в стране, усилившийся социальный гнет над народными массами, вызвали в начале XVII века крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова. Она разлилась широким потоком и охватила значительную территорию Московского государства.

Народы Среднего Поволжья также поднялись против колониальной политики царизма. Но бурный поток стихийного движения крепостного крестьянства разбился о многочисленную дворянскую армию. Отголосками этой войны были отдельные вспышки восстаний марийцев, мордвы в Среднем Поволжье.

В царствование Михаила Романова крепостное право растет вширь и вглубь; растет вотчинное землевладение; черные и дворцовые земли раздаются вотчинникам, количество крепостных крестьян увеличивается.

К середине XVII в. увеличивается барская запашка: она занимает половину, а местами до 90 проц. всей пашни. «Завесть пашню большую» — требовал Алексей Михайлович от своих управляющих. Количество же крестьянской запашки на душу мужского пола все время снижалось, происходило дальнейшее обезземеливание крестьянского населения. В связи с этим растет число бобылей, задворных людей — захребетников.

В ходе образования «всероссийского рынка» и дальнейшего роста товарно-денежных отношений, в товарное обращение втягиваются все новые районы страны, а господствующий класс — дворянство получает «новые стимулы к увеличению производства, к повышению своих доходов, к усилению эксплуатации».*

Крестьяне работают на барской запашке 3—4 дня в неделю, а в отдельных вотчинах и больше, но повинности крестьян барщиной не ограничиваются. Им приходится заниматься лесозаготовками, рыбной ловлей, работать в винокурнях, на мельницах. Разорительной была подводная по-

*) П. Лященко. — История народного хозяйства СССР. 1939 г. стр. 178.

винность, когда крестьяне обязаны были подвозить хлеб на рынок в города, иногда и в далекую Москву. Крестьяне платили денежную ренту, выполняли натуральный оброк. Так, боярин Морозов требовал от своих крестьян для «столовых запасов» свиное мясо, гусей, поросят, уток, кур, яйца, коровье и конопляное масло, сыр, рыбу, гречневую крупу, мед, вино, малину, бруснику, холсты, шерсть и т. д.

Крупные землевладельцы эксплуатируют крестьян не только в сельском хозяйстве, но и на промыслах и в своих мануфактурах. Крупные промыслы и мануфактуры в частновладельческих и монастырских хозяйствах работали на рынок, поэтому крепостные крестьяне, работавшие на них и подвергались особенно беспощадной эксплуатации.

Рабочий день начинался задолго до восхода солнца, оканчивался поздно вечером. Жили крестьяне в землянках, в шалашах, влачили жалкое существование, к тому же повальные болезни на почве голода, изнурений, простуды многих уносило в могилу.

Не вынося каторжной работы на промыслах, вотчинных мануфактурах, в крепостном хозяйстве, крестьяне «с женами и с детьми и со скотом и с животом» бежали «скопом» от владельца, а если встречали препятствия на своем пути — «разбрёдались розно».

Крестьяне бежали в «дикое поле», на Дон, за Волгу, на свободные земли, куда еще не достигали руки дворян, бояр и церкви.

«Царствование Алексея Михайловича (1645—76 гг.), — пишет Маркс, — было временем побегов и шатаний. Военные обстоятельства еще увеличивали их число... Финансовое положение и бедность народа еще способствовали побегам. В продолжении двадцати лет (1648—1668) происходила постоянная охота за беглецами, в разных частях государства».*

Бегство крестьян особенно тяжело отражалось на положении мелких помещиков. Провинциальное дворянство жаловалось царю на московских сильных и всяких чинов, что они отвозят их крестьян в свои далекие поместья и вотчины. Дворяне требовали, чтобы правительство увеличило срок сыска беглых крестьян. В 1637 году последовал указ об увеличении срока розыска беглых крестьян до 9 лет, последующие указы до 10 и 15 лет. Но эти указы не удовлетворяли дворян, — крестьянские побегы не прекращались. Тогда

* К. Маркс — Степан Разин. Журнал «Молодая Гвардия» № 1. 1926 г., стр. 117.

дворяне потребовали отмены урочных лет, т. е. сделать розыск крестьян бессрочным.

К середине XVII в. значительно ухудшается положение посадского населения. Посадский люд изнывал под тяжестью разнообразных налогов. К тому же они платили деньги на выкуп пленных, на содержание губных, тюремных целовальников, на строительство губной избы и воеводского двора; стрелецкие, а также прорубные деньги, чтобы зимой можно было проруби рубить и пользоваться водой и на дрова, чернила, бумагу, свечи и на другие расходы для приказной избы.

Посадское общество было не однородным. На одном полюсе стояли богатые, на противоположном — бедные люди, что вызывало ожесточенную классовую борьбу. Верхушка посадского населения, — «лучшие люди», «мироеды» — держали в своих руках межгородний торг, владели лавочными местами, промысловыми угодьями, захватывали посадскую землю. Эта верхушка держала власть в своих руках, перекладывая тяжесть налогов на плечи маломощных слоев населения. «Мироеды» отбирали у «молодых» людей промыслы, лавки, а их обращали в своих рабочих людей.

Беднейшие слои посадского населения разоряются, бросают дома, уходят на промыслы, на Волгу обслуживать судоходство или убегали в «дикое» поле, на Дон — поискать нового счастья. Многие посадские люди превращались в нищих, обездоленных людей. Посадская беднота страдала от воеводского правления, от «взяток», от «московской волокиты».

Промыслы, земля, принадлежавшие посадкам, часто попадали в руки крупным землевладельцам-феодалам.

Напряженная классовая борьба в городах приводила к многочисленным восстаниям. Крупное восстание городских низов вспыхнуло в Москве летом 1648 года. Поводом к восстанию послужил так называемый «соляной налог», притеснения и злоупотребления бояр и гостей. Восстание в Москве было подавлено, но подобные восстания вспыхнули в других городах — Курске, Великих Луках, Козлове, Сольвычегодске и др.

В 1650 году вспыхнуло восстание в Пскове, а затем в Новгороде. Восставшие уничтожили в Пскове воеводскую

власть, создали народное правление и около шести месяцев не сдавали города царским войскам.

Побеги крестьян, городские восстания и оппозиционность к правительству отдельных групп дворянства — заставили царя и боярскую думу принять экстренные меры для консолидации сил господствующего класса в борьбе с нарастающими народными волнениями.

В 1648 году в Москве собрался Земский Собор с участием дворянства и представителей посада. Постановления Земского Собора отражали важнейшие требования всего господствующего класса в целом, служилого дворянства и верхушки посадского населения в частности. Земский Собор принял решение о создании нового Судебника или Уложения. Соборное Уложение 1649 г. яркий документ дворянского происхождения, направленный на защиту самодержавия и крепостничества. Он юридически и полностью оформил крепостную зависимость крестьян.

Требование дворян о прикреплении крестьян к земле, о розыске «без урочных лет» и возвращении их на старое место — было узаконено Соборным Уложением. Оно предлагало беглых крестьян отдавать тем владельцам, «из-за кого они выбежат» и «... впредь никому чужих крестьян не принимать и за собой не держать». Таким образом, по «Уложению» помещик получил право разыскивать своих крестьян бессрочно.

Крестьяне, вошедшие в писцовые книги 1626 года и бежавшие к другому владельцу или в другое место, возвращались на старое место с женой, детьми и имуществом.

Землевладелец получал полную власть над жизнью и имуществом крепостного крестьянина.

Законодательство Алексея Михайловича о крестьянах способствовало дальнейшему усилению крепостного хозяйства.

Закрепление рабочих рук за помещиками способствовало более широкому развитию барского хозяйства, барской запашки, сокращению крестьянских наделов.

Усиливается наступление дворян на черные земли, положение черносошных крестьян ухудшается, их землевладение заметно сокращается. Светские феодалы и монастыри захватывают крестьянские волостные земли, объявляя их своей собственностью.

В середине XVII в. лучшие земли, принадлежавшие мордве, марийцам, татарам и другим народам Поволжья, оказались в руках светских и духовных землевладельцев.

Московский административный аппарат давил на местное население, выжимая из них ясак и другие повинности.

На землях Поволжья продолжался процесс дальнейшего формирования феодально-крепостнических отношений.

Царское правительство сознательно сеяло рознь среди народов Поволжья, боясь их объединения. Местному населению силой навязывали христианскую веру, часто прибегая к гнусным методам.

«Царская Россия — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой»*.

На территории Поволжья усиливается борьба угнетенного народа против колониального грабежа русского царизма.

В начале 60 г. г. народы Поволжья (мордва, башкиры и др.) вступили в открытую борьбу с царским правительством. Восстание было подавлено в 1665 году, но причины, порождающие их, остались.

Положение трудящихся масс — крестьянства, посадского люда и народов входивших в состав Московского Государства ухудшалось еще и непрерывными войнами России с Польшей и Швецией в 50—60 годах XVII в.

Войны требовали дополнительных средств, напряжения, человеческих жертв.

Выпуск медных денег для покрытия военных расходов вызвал дальнейшее снижение жизненного уровня ремесленников, мелких торговцев, стрельцов и другого посадского люда, что привело к восстанию в 1662 году в Москве, жестоким образом подавленного царским правительством.

Таким образом, к середине XVII в. крепостное право на Руси укреплялось и юридически, а эксплуатация народа усилилась, вследствие чего материальное положение крестьян и посадских людей заметно ухудшалось, что естественно вызывало обострение классовой борьбы, доходившее местами до активного сопротивления угнетенных.

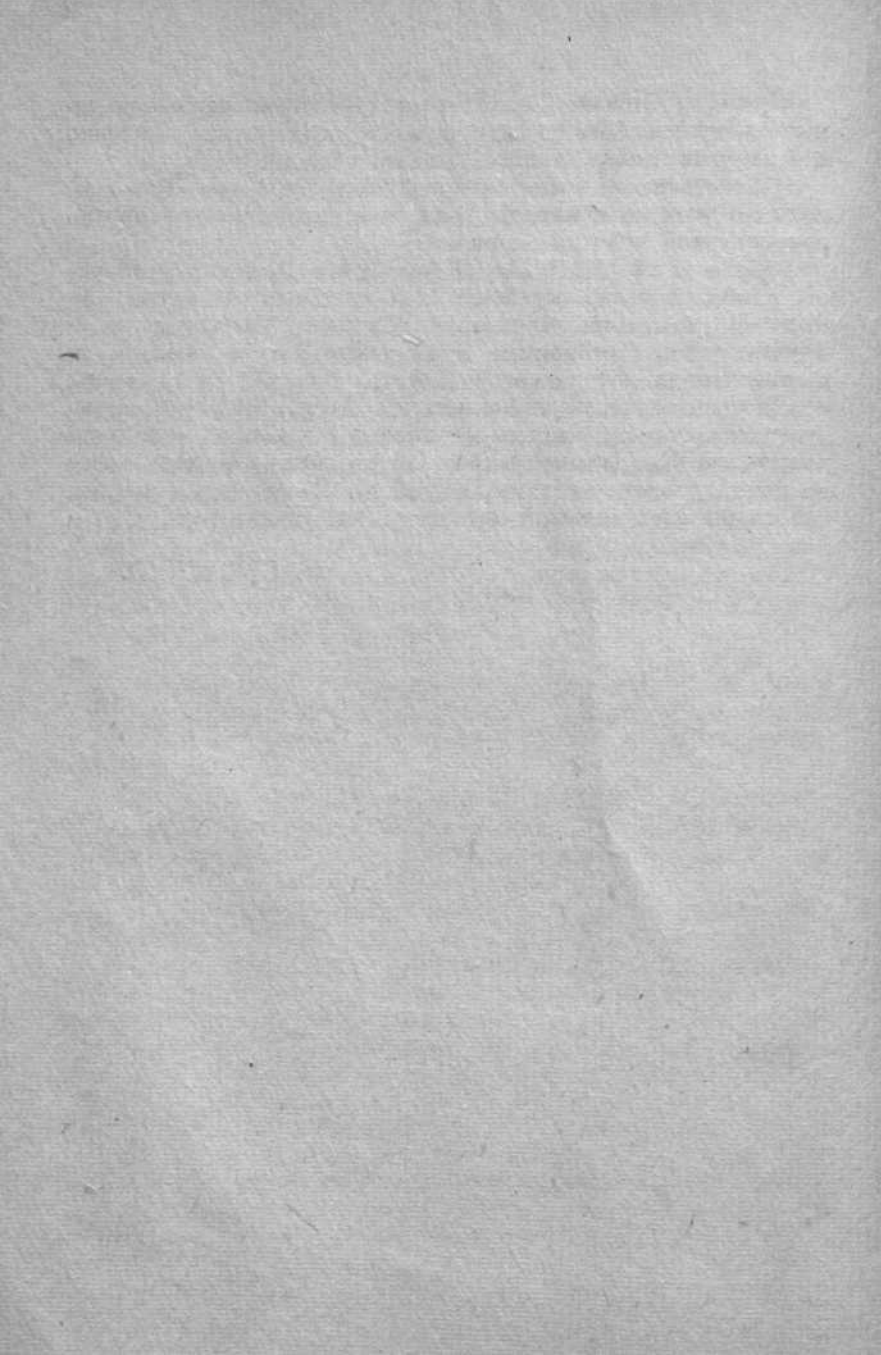
* История ВКП(б). Краткий курс, 1938 г., стр. 6.

Призывы Степана Разина в этих условиях отражали самые сокровенные интересы народных масс, а его выступление против угнетателей, явилось вполне закономерным.

В крестьянской войне руководимой Степаном Разиным приняли участие и народы Поволжья, выступившие против колониальной политики царизма.

Работа Д. Ф. КАРЖАВИНА «Степан Разин в Симбирске» наиболее полно освещает ход крестьянской войны, ее широкий размах на территории Среднего Поволжья и в частности под Симбирском. Эти данные мы не найдем в исследованиях других авторов. Автор при написании книги использовал со всей тщательностью государственные акты, переписку воевод, донесения царю, а также показания участников крестьянской войны. Смерть автора помешала ему до конца довести настоящую работу. Несомненно, что эта работа вызовет большой интерес у нашего читателя.

Н. ГРИЦЕНКО.

I.

ВВЕДЕНИЕ

ГОРОД Симбирск (Ульяновск) занял важное место в крестьянской войне 1670—1671 гг. Руководителем крестьянской войны был Степан Тимофеевич Разин. Народы, жившие тогда в Симбирском крае, принимали в этой войне самое активное участие. Они храбро сражались против своих угнетателей.

Движение возникло на Дону среди бедных казаков. На Дону ко второй половине XVII века скопилось много беглых крепостных крестьян, холопов и городской бедноты, нашедших там надежное убежище. Казаки принимали беглых в свое общество и не возвращали их помещикам. Таков был обычай казаков.

Казачество в те времена не занималось земледелием, а промышляло охотой, рыбной ловлей, а также совершало военные походы. Необходимые товары завозились на Дон из центральных городов Московского государства в обмен на военную добычу, рыбу, меха и попадали в руки зажиточных казаков. В этих товарах нуждалась и беднота. В обмен на оружие, боеприпасы и продовольствие она отдавала зажиточным казакам большую часть своей военной добычи. Домовитые казаки давая беднякам оружие, порох и струги, посылали их в разбойничьи походы на Волгу, или же в соседние государства: Персию и Крым, а привозимую из этих походов богатую добычу скупали за бесценок. Так свободная казацкая беднота попадала в зависимость от зажиточных. Это вызывало справедливый ропот и недовольство бедноты.

Казачество постепенно разделялось на богатых и бедных, на угнетателей и угнетенных.

Зажиточные, или так называемые «домовитые» казаки, владели большими стадами скота, водоемами для ловли рыбы, охотничьими угодьями и другими благами в низовьях Дона.

Казацкая беднота занимала верховья Дона и средства к существованию добывала различными путями: рыболовством, пчеловодством или работой у домовитых казаков.

В процессе дальнейшего расслоения, классовая борьба на Дону все возрастала, и готова была превратиться в открытый бунт.

В 60-х годах XVII века из среды бедного казачества Дона вышел молодой атаман Степан Тимофеевич Разин, вскоре завоевавший у нее огромный авторитет.

С. Разин родился в станице Зиновейской, вырос в обстановке вольного Дона и любил свободу. Возвращаясь из персидского похода, он заявил посланцу астраханского воеводы, что воевода Прозоровский «...не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным».*

Много раз Разину пришлось измерять пешком русскую землю: дважды он был в Соловецком монастыре, столько же раз—в Москве. И где бы он не был, всюду видел собственными глазами нищету русского народа, угнетаемого боярами, помещиками и притесняемого царскими чиновниками.

Разин ненавидел богатых и всегда помогал бедным. Став атаманом, он сразу же направил разбойничьи набеги казацкой вольницы в русло классовой борьбы. Своему отряду он прежде всего обеспечил полную независимость от зажиточных. Грабить позволял только корабли богатых купцов, государевы и патриаршие караваны. Крепостных людей и холопов, обслуживающий персонал этих караванов, Разин объявлял свободными, и они нередко вступали в его отряд.

В 1668—1669 гг. Разин собрал крупный отряд донских и яицких, т. е. уральских казаков, и предпринял удачный поход в Персию, откуда вернулся с богатой добычей. Участники похода отправились в рваных зипунах, а вернулись с дорогими товарами и драгоценностями, одетые в роскошные бархатные и шелковые платья.

Слава о боевом атамане Степане Тимофеевиче пошла далеко за пределы Дона, и в его отряд стали стекаться угнетенные со всех концов Московского государства. Тогда Степан Тимофеевич решил, что пришла пора поднимать народ на борьбу за свободу.

*) Я. Я. Стрейс. Три путешествия. 1935 г., стр. 203.

Ранней весной 1670 года Разин повел свой значительно увеличившийся отряд из бедных казаков, беглых крепостных крестьян и холопов с Дона на Волгу и объявил поход на Москву для того, чтобы истребить всех «кровопивцев» и «учинить так, чтобы всяк всякому был равен».

Крестьянское движение, возглавляемое Разиным, носило, несомненно, классовый характер, но *«...говоря о Разине и Пугачеве, — учит нас товарищ Сталин, — никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя».**

Степан Разин боролся «за всю чернь», т. е. за интересы всего угнетенного народа, за освобождение его от крепостной неволи, и в то же время мечтал о том, чтобы свободным народом управлял «добрый» и «справедливый» царь. Поэтому, во всех его «прелестных» письмах совмещались два несовместимых понятия: «за его великого государя, и за всю чернь».

В те отдаленные времена простой народ, задавленный темнотой и эксплуатацией, верил, в своем большинстве, в добрые намерения царя и его «отеческую» заботу о своих подданных. В народе говорили, что бояре и дворяне, стоявшие близко к трону, изменили «великому государю» и ведут народ к гибели. Старинная русская народная поговорка гласит: «Царь гладит, а бояре скребут».

Соратниками Разина среди крестьян был распространен слух, что в их лагере находится царевич Алексей Алексеевич и патриарх Никон.** Они уверяли, что царевич Алексей не умер, а бежал из столицы от злобы изменников-бояр и от строгости отца-царя, и что теперь он, будучи возведен на царский престол, позаботится о народе, и жить будет всем хорошо. Один из стружков во флоте Разина был покрыт красным бархатом и роскошно убран; как утверждали восставшие, — это был стружок царевича, а в другом стружке, покрытом черным бархатом, будто бы находился патриарх Никон.

В мае 1670 года отрядом Разина был занят город Царицын (Сталинград), а через месяц и город Астрахань.

*) Ленин и Сталин — Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) том III, стр. 527. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г.

**) Царевич Алексей Алексеевич умер еще до восстания Разина, в январе 1670 года, а патриарх Никон в то время находился в заточении в Белоозерском Ферапонтовом монастыре.

Крестьяне Нижнего Поволжья, работные люди пристаней и посадские люди городов присоединились к повстанцам. На их сторону переходили и стрельцы из царских войск, посланные на подавление восстания. Скоро повстанческий отряд вырос в многотысячную армию и стал внушительной силой.

Через три недели после занятия Астрахани, Разин, возглавляя самый крупный отряд пошел вверх по Волге, занимая один за другим города, расположенные на ее берегах.

Крестьянское движение приняло массовый характер и распространилось далеко за пределы Волги. Вскоре оно перекинулось и на центральные уезды Московского государства. Особенно большого размаха оно достигло после того, как отряд Разина высадился под Симбирском и одержал здесь крупную победу над царскими войсками. Об этом периоде движения и будет рассказано в настоящей книге.

II.

СИМБИРСК НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

«Стенька Разин хочет быть под Симбирском на Семен день и того часу хочет приступать к Симбирску всеми силами, чтоб ему вору Симбирск взять... А мы холопы твои... станем сидеть в Симбирску до самой смерти Московских приказов с головами и с стрельцами и симбиряны, которые обещаютца тебе великому государю, служить верно».

(Из отписки царю Симбирского воеводы И. Б. Милославского от 28 августа 1670 года).

ПЕРВАЯ весть о движении войск Разина к Симбирску была получена Симбирским воеводой И. Б. Милославским 20 мая 1670 года.* На другой день, т. е. 21 мая, состоялся крестный ход вокруг центральной части города—Кремля, с участием самого воеводы, приказных, духовенства и представителей правящих сословий.

Весть о приближении Разина быстро распространялась его сторонниками, посланными им для подготовки восстания в среднем Поволжье, и среди населения Симбирского уезда.

В одной воеводской отписке царю говорится: «...сказывают, что тот Стенька Разин по Симбирской черте и в Симбирской уезд разослал памяти, чтоб те симбиряне и иных городов черных людей наговаривали, чтоб дворян и детей боярских и в городах воевод и подьячих всех перовоносили и побивали».

Если в народе имя Разина вызывало симпатии и надежды на лучшее будущее, то на угнетателей народных оно наводило смертельный страх. Из ближайших городов и сел в Симбирск стали прибывать перепуганные народным гневом помещики и дети боярские, искавшие защиту за городскими стенами, под охраной правительственных войск.

* Даты везде указаны по старому стилю.

Получив столь тревожную весть, воевода прежде всего направил лазутчиков для «собирания известий» о численности, вооружении и скорости движения повстанческих войск. Наиболее надежным и подходящим человеком для этой цели воеводе Милославскому показался иноземец Марк. Его он и послал с девятью отборными стрельцами.

Лазутчики достигли Саратова, который был уже в руках Разина, собрали необходимые сведения, вышли из города и направились восвояси, но были замечены, настигнуты и убиты. Об этом Симбирский воевода узнал от Казанского стрелецкого головы Т. Давыдова, вернувшегося из такой же

«посылки»; стрельцы Давыдова перешли на сторону восставших, а самому ему удалось спастись бегством.

Послав лазутчиков, воевода Милославский приступил к организации спешных работ по усилению укреплений города.

Симбирск являлся крупным стратегическим пунктом Среднего Поволжья. Он был построен одновременно с Симбирско-Карсунской военной чертой в течение шести лет, с 1648 по 1654 год. Расположенный на крутом правом берегу Волги, он был форпостом Московского государства в защите гра-

ниц от внешних врагов с востока, кочевавших в заволжских степях, и отправным пунктом для дальнейшего распространения колонизации.

Для Разина Симбирск и Симбирско-Карсунская черта имели важное значение. Овладение этим пунктом давало повстанцам военную базу, широкий выход к центральным уездам страны и прямой путь на Москву. Здесь же они получали многочисленных союзников в лице коренного населения Поволжья: мордвы, чуваш, марийцев и татар. Поэтому за Симбирск разгорелись кровопролитные сражения; крестьянская война в Симбирском крае достигла наивысшего размаха.

Тогдашний Симбирск состоял из двух основных частей: «внутренней» и «внешней». Внутренняя или центральная часть города называлась Кремлем, Рубленным городом, или крепостью*).

Кремль был расположен на «венце» симбирской горы в форме правильного четырехугольника, размером 800 саженей в длину и 200 саженей в ширину. Он был обнесен бревенчатой стеной, с деревянными башнями на углах и по бокам, а также глубоким рвом и земляным валом.

Вокруг Кремля располагалась так называемая «внешняя» часть города — посад с его маленькими домиками, торговыми рядами, досчатыми тротуарами и пыльными улицами. Посад тоже был обнесен бревенчатой стеной, глубоким рвом и валом.

В восточной части посада, на склоне горы находилась вторая крепость города, называемая Острогом. Она прикрывала подходы к городу со стороны Волги. Острог был обнесен бревенчатым частоколом с заостренными вверху концами, а также глубоким рвом.

Кремль имел то преимущество перед Острогом, что стоял на «гребне» или «венце» горы, и командовал над окружающей местностью. К тому же, здесь были все присутственные места. Поэтому воевода И. Б. Милославский для отсиживания в осаде избрал Кремль и велел укреплять его стены мешками, насыпанными землей, солью, мукой, а также запасать провизию и питьевую воду.

Воевода Милославский не решался вступать в открытое сражение с Разиным, хотя имел в своем распоряжении три

*). В дальнейшем изложении центральная часть города будет именоваться Кремлем.

*2) Степан Разин.

московских стрелецких воинских части, солдатский полк и сильный гарнизон Острога. Он боялся, что подначальные ему люди, по примеру жителей городов Нижнего Поволжья, перейдут на сторону повстанцев.

Свое опасение Милославский высказал в одной из отписок царю «... И только замешкаются твои, великого государя, полки чаять от него, вора над Симбирском великой беды, потому, что в Симбирску, государь, в рубленном городе один колодезь и в нем воды не будет на один день, в сутки не прибудет и четверти аршина... А от симбирян, государь, чаять опасения большого, смотря на низовые города, что ему сдаются».

Одновременно с этим воевода Милославский писал тревожные письма Казанскому воеводе П. Урусову, назначенному командующим всеми царскими войсками по борьбе с крестьянским движением, и князю Ю. Н. Барятинскому, умоляя их поспешить на помощь Симбирску. (Здесь уместно сказать, что командующий П. Урусов, в противоположность князю Ю. Н. Барятинскому и другим, проявлял заметную медлительность в стягивании царских войск, за что вскоре был снят с этого поста).

Работы по укреплению Кремля и по созданию продовольственных запасов проводились все лето и закончились только к концу августа.

31 августа 1670 года к Симбирску подошел князь Ю. Н. Барятинский с двумя рейтарскими полками. В своем донесении царю он сообщал: «Августа в 31 день пришел я, холоп твой, под Симбирск с твоими великого государя ратными людьми... А со мною холопом твоим, пришло в Симбирск твоих великого государя, ратных людей, конных московских стряпчих, и дворян, и жильцов, и городских дворян и детей боярских и мурз и татар... а на лицо, государь, рейтар полковниковым смотром тысяча триста человек в обоих полках и в том числе треть пеших».

Теперь Симбирский воевода располагал довольно значительными силами, расставленными в определенном порядке: сам И. Б. Милославский с тремя стрелецкими и одним солдатским полками, с большим числом помещиков, бежавших сюда из уезда и соседних городов, взял на себя охрану Кремля. Охрана Острога была поручена его гарнизону, усиленному дворянами и детьми боярскими. Полки князя Ю. Н. Барятинского должны были принять лобовой удар войск Разина на подходах к городу.

III.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ В СИМБИРСКОМ КРАЕ

ПРЕЛЕСТНЫЕ ПИСЬМА» Разина по душе пришлись народам Симбирского края и вызвали активность среди различных слоев угнетенного населения, готового вступить в решительную борьбу с угнетателями. Условия и почва для восстания здесь были подготовлены давно. Основное население Среднего Поволжья по своему национальному и социальному составу представляло тогда довольно разнообразную картину. Наряду с коренными жителями — чувашами, мордвой, марийцами и татарами — здесь были крепостные крестьяне, вывезенные помещиками из центральных уездов Московского государства; беглые и черносошные крестьяне; жители городского посада: «черные», служилые и работные люди. Каждая из этих групп, преследуя свои частные цели, готова была принять активное участие в крестьянской войне.

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ.

«Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправными, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним».

(Краткий курс истории ВКП(б), стр. 6)

Коренным населением Среднего Поволжья были чуваша, мордва, марийцы и татары. Они платили государству тяжелый натуральный налог «ясак» (отсюда название — «ясашные крестьяне») и отправляли другие тяжелые повинности.

Так, на строительство Симбирска и военных укреплений они посылали одного человека от трех дворов.

Из «Книги строельной» города Симбирска видно, что еще, до начала колонизации этого края, до основания Симбирска, на территории бывшего Симбирского уезда существовали следующие населенные пункты: а) ТАТАРСКИЕ: Азанова, Алшеева, Акса, Баишева, Каракота, Маклауши, Шатрашаны; б) МОРДОВСКИЕ: Аркаева, Паркаева, Помаева, Семенова, Тюбя-Кермен; в) ЧУВАШСКИЕ: Маклауши; г) МАРИЙСКИЕ: Чилим.

До колонизации коренное население, жившее на территории бывшего Симбирского и соседних с ним уездов более свободно пользовалось обширными земельными угодиями, лесами и водоемами, богатым пушным зверем, рыбой и дикорастущими плодами.

С начала же колонизации земли, леса и водоемы царским правительством постепенно отдавались помещикам, монастырям, переселенным сюда черносошным крестьянам и служилым людям. Районы промыслов коренного населения, таким образом, суживались, а натуральный налог, «ясак», возрастал.

Материальное положение коренного населения в течение XVII века резко ухудшилось. К тому же помещики и монастыри путем всевозможных махинаций стремились закабалить коренных жителей и подвергали их жестокой эксплуатации.

Люди владели жалкое, полуголодное существование, их обнищание доходило до предела.

Притеснения народов нерусской национальности были бесконечны. К тому же исповедуя языческую (чуваши, мордва и марийцы) и магометанскую (татары) религии, они с XVI века перестали пользоваться веротерпимостью, началось насильственное обращение их в христианство.

В 1593 году о народах Поволжья был издан царский указ, в котором сказано: «Тех, которые не станут христианской веры крепко держать, тех смирать, в тюрьму сажать, в железо, в цепи, бить».

Ко времени колонизации Симбирского края православное духовенство и светские власти в распространении христианства уже имели известный опыт. Они просто собирали крестьян в национальных деревнях и совершали над ними обряды крещения. Принявшим крещение «добровольно», предоставлялись некоторые льготы: крестьяне освобождались в течение трех лет от податей, молодежь — от рекрутской оче-

реди, преступники — от телесных наказаний и т. д. Не желавшие же принять крещение строго наказывались.

Под руководством православного духовенства в национальных деревнях строились церкви. Духовенство и власти заставляли новокрещенных отказываться от языческих и магометанских обрядов, которых новокрещенные упорно придерживались. За это они подвергались, по доносам священников, штрафам и телесным наказаниям.

Нерусское население Поволжья вело упорную борьбу против колонизаторского гнета, защищая освоенные им земли, леса и водоемы, являвшиеся основными источниками его существования. Эта борьба слилась с борьбой русского крестьянства против общего врага.

КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

«Душа — Божья, тело — государево,
спина — барская».

(Старинная русская народная поговорка).

Одновременно с основанием города Симбирска (1648г.) его окрестности, особенно северные, стали заселяться помещиками.

Первыми получали большие земельные массивы участники строительства Симбирска и Симбирско-Карсунской черты. Сам руководитель этого строительства, боярин Б. М. Хитрово, получил в вотчинное владение большое и богатое село Барышская слобода, Алатырского уезда. Его товарищи по строительству — дети боярские, получили самые лучшие земли, пожалованные за службу в поместное владение. Они переводили на эти земли крепостных крестьян из своих старых имений, находившихся в центральных районах Московского государства, основывая на новых местах села и называя их по своим фамилиям.

Так, боярский сын М. Полдомасов основал село Полдомасово; Григорий и Федор Коровины — деревню Коровино; Арбузов — село Арбузовку; Комаров — деревню Комаровку и т. д.

Только за шесть лет с 1648 по 1654 год, по неполным данным, приведенным в «Книге строельной» города Симбирска, в Симбирском уезде получили землю 170 помещиков — детей боярских в количестве от 75 до 200 десятин каждый.

Крепостной крестьянин был в полной зависимости от помещика: последний мог купить и продать его вместе с же-

ной, детьми и со всем имуществом. Жестокость и издевательство помещиков над крепостными были обычным и повседневным явлением.

Однако, крепостные крестьяне терпели не только от помещика, но и от помещичьего приказчика. «Все виновные в нарушении приказничьего наказа сажались «в тюрьму, в колоду, в железа», подвергались наказанию — «битью батогами и даже кнутом»*.

Крепостной крестьянин не имел даже элементарных человеческих прав. Еще при царе Федоре Ивановиче (1584—1598) было установлено—подвергать крепостного пыткам не в результате расследования его преступлений, а по одному лишь доносу помещика. Уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.) у крепостного крестьянина было отнято право даже жаловаться на произвол и другие преступления своего помещика**.

Непомерными тяготами обременяли помещики своих крестьян.

И обработка барской земли, и выполнение различных барских прихотей, и денежный и натуральный оброк: платежи деньгами, зерном, маслом, яйцами, животными, птицей; изделиями домашнего производства: холст, валенки, кожа, овчины, деревянная посуда и т. п.—все это тяжелым гнетом ложилось на плечи крепостных. Мало того, крепостные не освобождались и от государственных податей; им также нередко приходилось выплачивать государству долги своего помещика, о чем так ярко говорила народная пословица: «Чуб заворочен, а оброк не заплачен».

В. И. Ленин так охарактеризовал крепостное право: *«На практике, как Вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»***.*

Непосильно тяжелый экономический гнет, полное бесправие, постоянные унижения и оскорбления нередко вызывали со стороны крепостных крестьян резкое недовольство не только помещиком.

*) Проф В. И. Пичета — История крестьянских волнений в России, изд. Минск, 1923 г. стр. 22.

**) Исключение было сделано только о преступлениях против государства.

***) В. И. Ленин — сочинения, том XXIV, стр. 367.

Некоторые крестьяне теперь уже интересуются самим царем и часто говорят «про государя непригожее слово с лаею», т. е. с руганью. Время от времени дело доходило и до открытых бунтов против помещиков и представителей государственной власти на местах. Отсюда понятно, почему крепостные крестьяне стали основной надежной опорой Разина.

ЧЕРНОСОШНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

«В нашей волости три болезни: некрутство, подати, да земщина».

(Старинная русская народная поговорка).

В 1648 — 1650 годах вокруг Симбирска были построены на государственных землях слободы: Тетюшская, Сельдинская, Мостовая, Арская, Карлинская, Подгородная Каменка, Лайшевская, Уржумская, Подлесная, Конно-Подгородная и другие.

Заселение этих, а также основанных позднее населенных пунктов, производилось служилыми людьми: стрельцами, пушкарями и казаками, справлявшими сторожевую пограничную службу, и черносошными крестьянами, которые участвовали в строительстве Симбирска и Симбирско-Карсунской черты. И те и другие были переведены сюда по указу царя из ближайших городов: Тетюши, Свияжска, Чебоксар, Цивильска, Козьмодемьянска, Васильгородска, Арзамаса, Алатыря и других городов и сел. Были казаки, переведенные с Днепра и Дона. Присылались на строительные работы и ссыльные из разных мест.

Не только крестьянам, переведенным на строительные работы, но и всем служилым людям правительство выделяло пахотные земли и сенные покосы, стараясь таким образом закрепить их за данной местностью и заинтересовать в сторожевой службе.

Население в Симбирском крае быстро увеличивалось, населенные пункты расширялись, возникали новые и вскоре были сведены в так называемые черносошные волости.

Черносошные крестьяне назывались еще тяглыми, т. к. они несли «тягло». Этим термином обозначались все виды прямых налогов.

Облагались тяглом не отдельные крестьяне, а целые волости и села, как говорит народная поговорка: «Постылое тягло на мир полегло».

Тягло всегда считалось более высоким и обременительным, чем оброк. Оно нередко превышало платежеспособность населения, подрывая его благосостояние.

Тяжело было крестьянину платить налоги, бедой для него была недоимка, а особенно лихой бедой было ее взыскание,

Недоимщика арестовывали, приводили в Симбирскую приказную избу, били батогами и не отпускали до тех пор, пока за него кто-либо из близких не уплачивал долга или не давал взятку приказным.

Царские слуги усердствовали: «правили государевы всякие доходы нещадно, побивая недоимщиков на смерть». Их наглость, произвол и вымогательства никем не ограничивались. И не удивительно, что воеводы и приказные наживали себе немалые деньги, собирая государевы налоги. «От вора отобьешься дубиной, от чорта крестом, а от приказного полтиной», — говорит народная пословица.

Но и этим не ограничивались повинности тяглых крестьян. Они постоянно находились на государственных работах со своим транспортом: возили дрова и золу к селитряным заводам, участвовали в постройке городов и военных укреплений, строили мосты, дороги и проч.

На строительство Симбирска и Симбирско-Карсунской черты чернососшные крестьяне выделяли по одному человеку от пяти дворов. На этом строительстве в течение шести лет, с 1648 по 1654 год, ежегодно работало от 3-х до 5 тысяч человек.

В довершение всего, помимо государственных налогов, различных сборов, повинностей и взяток, крестьяне были обязаны жертвовать на устройство церквей, содержать духовенство, платить за церковные обряды: крещение, венчание, похороны и т. п.

Хотя чернососшные крестьяне считались свободными, — их материальное положение иногда было хуже, чем у крепостных, что вынуждало некоторых, из наиболее бедных тяглых крестьян, бежать из общины и отдаваться в крепостные к помещикам или в холопы к служилым боярам и дворянам.

Действие законов Соборного Уложения Алексея Михайловича о розыске и возвращении беглых распространялось также и на чернососшных крестьян. Их отыскивали и водворяли обратно в свои села, заставляя выполнять все государственные обязательства.

О материальном положении черносозных крестьян Симбирского уезда того времени красноречиво свидетельствует их челобитие царю Алексею Михайловичу, в котором говорится:

« По указу великого государя строимся мы на Арбузинских полях и построили мы, небольшие люди, избы и живем с семьями, а люди мы скудные и бедные, помираем голодною смертию, да и в тех слободах ныне живут священники, и служить им негде, а нам небольшим людям, на часовни и на церковное строение всякого заводу строить не в мочь и нечем, да и к тем же слободам подошли озера и истоки на откуп владеют откупщики».

Необходимо отметить еще одно существенное обстоятельство, вызывавшее возмущение крестьян: Некоторым помещикам из наиболее влиятельных государственных людей жаловались не только земли, но и целые села вместе с проживавшими в них крестьянами. Таким образом, над черносозными всегда висела угроза возможного их закрепощения.

Все это, вместе взятое, озлобляло крестьян против государственных порядков и алчной администрации на местах и вызывало безграничные надежды и симпатии к «батюшке Степану Тимофеевичу».

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ

«Я, государь, посадским людям не норовид и сроков не даю... Я правил на них твои государевы всякие доходы нещадно, побивал на смерть...».

(Из объяснения царю одного сборщика государственных налогов в XVII веке).

Население городского посада, как и черносозные крестьяне, несло тягло. «Черные» посадские люди также платили многочисленные налоги и отбывали натуральные повинности. Они, как и черносозные, не имели права оставлять свои общества, в противном случае подвергались принудительному возвращению.

Для управления посадом ежегодно избирался земский староста, который ведал взиманием налогов и отправлением натуральных повинностей. Он имел право посадских людей «волей и неволей к мирскому делу понудить».

Не лучше жилось в городах и служилым людям: мелким чиновникам, казакам, стрельцам и пушкарям. Несвоевременная выплата жалования или выплата его медными деньгами, которые крестьяне не хотели брать за свои продукты, непо-

мерно высокие цены на соль и другие товары первой необходимости — все это отражалось в первую очередь на городской бедноте. Одно из челобитий царю Приволжских служилых людей того времени говорит, что они «обедняли и обнищали, и стали же наги и босы... лошадей купить не на что... и со всякие нужды в конец погибают и помирают голодной смертью».

Посылая подобные челобитья, люди были уверены, что царь не знает о произволе местных чиновников и надеялись на его помощь. Это заблуждение ярко выражено в следующей старинной народной поговорке: «Не ведает царь, что делает псарь».

Население городского посада особенно чувствительно реагировало на притеснения царской администрации и временами оказывало массовое сопротивление, доходившее до бунтов. Оно было готово присоединиться к крестьянскому движению под предводительством Степана Разина.

Особняком, конечно, стояли крупные торговцы, видные чиновники-приказные и высшее городское духовенство. Эти люди занимали враждебную позицию по отношению к народному движению.

БЕГЛЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

«Нечем платить долгу — ступай на Волгу — либо в разбойники, либо в бурлаки».
(Старинная русская народная поговорка).

Начиная с конца XVI и начала XVII веков усилился приток беглых в Среднее Поволжье.

Сюда бежали крепостные крестьяне и холопы от своих господ. Волга в то время была удобным убежищем для беглых. На ее берегах, покрытых дремучим лесом, они чувствовали себя в относительной безопасности.

Беглые крестьяне и холопы хотя и жили в разных местах добывая себе пропитание различными путями, но долю имели одинаковую. Они были объединены общими интересами и общей ненавистью к угнетателям. Вот почему по первому зову Разина, они дружно вступили в борьбу, и говоря о движущих силах в крестьянской войне 1670—1671 годов, нельзя обойти молчанием беглых крестьян.

В своем большинстве беглые скрывались в лесах, либо бурлачили на Волге, иные занимались разбоями и грабежами, разбивая купеческие караваны.

Хотя по законам того времени (1597 г.) помещики имели право отыскивать беглых крестьян в течение пяти лет со дня их бегства и водворять на прежние места, беглые в Среднем Поволжье чувствовали себя свободно, т. к. в начале XVII века здесь, за отдаленностью, их никто почти не разыскивал.

Пять лет они без особой тревоги могли прожить в лесах, и по истечении этого срока считались «вольными», и устранялись по своему усмотрению.

Многие из них жили уже в деревнях и занимались сельским хозяйством. Но такое положение продолжалось недолго. В 1637 году срок отыскания и возвращения помещиками беглых крестьян царским правительством был продлен до девяти лет, в 1641 году — до десяти, в 1647 году — до пятнадцати, а затем Соборным Уложением царя Алексея Михайловича в 1649 году были уничтожены все сроки, и помещикам было дано право отыскивать беглых крестьян и возвращать их в свои имения «без урочных лет», т. е. в течение всей жизни.

Теперь на Руси уже юридически оформилось крепостное право.

Все надежды беглых даже на относительную свободу рухнули. К тому же Среднее Поволжье в ту пору стало быстро заселяться, и на Волге усилились розыски беглых.

Чтобы спастись от помещичьей неволи и, в то же время, не умереть от голода, беглые крестьяне, скрываясь от преследования, добывали себе пропитание, кто как умел, и ждали лучшего времени. Вот почему «...в составе казацкой голытьбы оказалось наиболее решительным беглое крестьянство, открыто выступившее против феодального гнета».

Как сказано выше, сравнительно небольшая группа бояр, дворян и приказных, составлявшая правящую верхушку в Московском государстве, беспощадно эксплуатировала народ высасывая все его жизненные соки, доводя до массового обнищания.

Целые села вымирали от голода, от эпидемических заболеваний и других народных бедствий.

На протесты народа правящие классы отвечали жестокими репрессиями. Всех недовольных приказные хватали и таскали в земский или разбойный приказ, где подвергали их бесчеловечным пыткам. Периодические бунты крестьян и

посадских людей подавлялись с исключительной свирепостью, после чего угнетение народа еще больше усиливалось.

Колонизаторская политика царского правительства, направленная на разжигание национальной вражды с целью отвлечения угнетенных от классовой борьбы, не достигала своих целей.

Когда перед народами Поволжья ходом исторических событий встала задача вооруженной борьбы с общим классовым врагом, сплоченность их вокруг русского народа стала еще теснее и они стихийно начали включаться в борьбу независимо от своей национальной принадлежности.

В Симбирском крае в связи с движением Разина началась массовая подготовка к восстанию. Крестьяне ковали пики, точили топоры, вилы, делали рогатины, луки и стрелы. Посадские тайно договаривались с казаками, стрельцами и пушкарями о сдаче Симбирска Разину и переходе на сторону восставших. Так же были настроены работные люди на разных промыслах и волжских пристанях.

По мере продвижения повстанческих войск вверх по Волге и приближения их к Симбирску, атмосфера здесь накалялась все больше и больше. К выступлению были готовы все, ждали лишь сигнала.

IV.

ВОССТАНИЕ В СИМБИРСКЕ

Высадка отрядов Разина под Симбирском.

«Здравствуйте братья. Мстите теперь Вашим мучителям, что хуже турок и татар держали вас в неволе: я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети, и будете вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры».

«Я иду истребить бояр, дворян и приказных людей, искоренить всякое чиновничество и власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтоб всяк всякому был равен».

(Из высказываний Разина к народу).

К ИСХОДУ ДНЯ 4 сентября 1670 года Степан Тимофеевич Разин снизу по Волге подошел к Симбирску. Двести разноцветных стругов, разрезая своими острыми зобами серебристую струю быстрого течения, приближались к городу. Они покрыли всю реку и ее широкая гладь казалась пестрым ковром.

Не доходя трех верст до города, Разин высадив свои войска на Чувичевском полуострове на глазах у воевод. Людей с ним было две тысячи конных и три тысячи пеших. То были вольные казаки, беглые, крепостные и черносошные крестьяне, работные и служилые люди. Собрались они со всех концов великой Руси для того, чтобы истребить всех лиходеев — народных мучителей: помещиков, бояр, воевод и приказных, которые «батюшку царя» в плену держат, а матушку Русь в крепостной неволе.

Высадкой на Чувиче Разин преследовал двоякую цель: дать отдых людям, уставшим от трудного перехода от Самары до Симбирска, и отвлечь внимание противника на юго-восток с тем, чтобы напасть на него с севера.

Дождавшись ночи, отряд Разина бесшумно, под покровом темноты, погрузился на струги и по Волге обошел город на полкилометра выше. Здесь были удобные места для высадки войск и в этом месте Волга подходила гораздо ближе к городу.

В полночь по приказанию Разина началась высадка: были спущены сходни и массы конных и пеших бойцов устремились на берег. Иные «горячие головы», из конных сотен, на своих вышколенных в походах конях прыгали прямо в воду и вброд, и вплавь, в зависимости от глубины, добирались до берега. На берегу строились десятками и сотнями. Начальные люди занимали свои места.

На рассвете 5-го сентября, оставив у стругов сильную охрану, Разин с отрядом поднялся на гору к старому городищу и оттуда повел свои сотни на приступ примерно в районе нынешних улиц: Пролетарской, Водников, Радищева, и Красноармейской.

Навстречу повстанцам плотными цепями выступили полки князя Барятинского и часть отборных отрядов Милославского.

ПОБЕДА РАЗИНА

«— И Вы пороку не тратьте
и снарядов не ломайте,
меня пулечка не тронет,
меня ядрышко не возьмет».

(Из народной песни о Разине).

Повстанцы с яростью набросились на царские войска, загородившие им дорогу к городу, поражая их одновременно из пушек и пищалей.

Передние цепи оборонявшихся заметно поредели и, не выдержав первого натиска наступающих, качнулись назад. Князь Барятинский был вынужден сразу же ввести в дело самые надежные части. С криками и руганью, конным строем двинулись они навстречу наступавшим повстанцам. Завязался горячий рукопашный бой.

Разин бился в самых решающих местах, его пример еще больше воодушевлял и без того храбрых воинов. Слова его команды мигом подхватывались и летели от одного сотника к другому. Удары наносились все сильнее и решительнее. Сопротивление правительственных войск стало ослабевать, их цепи потгнулись.

Участвовавшие в бою отряды воеводы Милославского,

боясь быть отрезанными от Кремля, подались назад, оставив под ударом правый фланг. Этим воспользовались повстанцы и ударили по слабому месту обороны противника, все больше и больше пятившегося к городу. Видя серьезность положения, Барятинский потребовал от воеводы Милославского, сидевшего в Кремле, более внушительной поддержки.

К половине дня в бой были введены свежие силы Милославского. Установилось на некоторое время равновесие. Сражение продолжалось целый день. Поле боя неизменно оставалось за Разиным, но окончательной победы еще не было. Разин решил изменить план наступления и ждал темноты.

Наконец ночь прекратила сражение. Уставшие стороны разошлись. Воеводские войска расположились на отдых, но в лагере Разина началось деятельное оживление. К нему то и дело приходили лазутчики.

Из их донесений было видно, что в Кремле заперто много жителей города, которые ожидают своего освобождения, но что сами они для сдачи Кремля ничего сделать не могут, т. к. взяты туда лишь для выполнения тяжелых работ, и поэтому не вооружены. Стрельцы же, не желающие воевать за воевод, в Кремле составляют меньшинство и как ненадежные находятся под надзором и тоже бессильны сделать что-либо. Зато гарнизон нижней крепости—Острога готов сдать крепость и в полном составе может перейти на сторону Разина. Данные разведки внесли полную ясность в боевую обстановку и существенно изменили ее в пользу наступающих.

В течение ночи Разин перегруппировал свои войска, поставил перед ними новые боевые задачи и за полчаса до рассвета 6-го сентября снова повел наступление.

Первый отвлекающий нажим был сделан на левый фланг противника, но главный удар Разин нанес по правому флангу. Опрокинув отряды Милославского, державшие этот фланг, повстанцы подошли к Острогу. Постреляв для вида пыжами, симбирцы впустили повстанцев в крепость, вместе с ними истребили дворян и детей боярских, после чего выступили против войск Ю. Н. Барятинского. Отряды же Милославского тем временем бежали в Кремль и затворили за собой ворота.

Часть сил Разин выделил для окружения Кремля, а остальные продолжали преследовать остатки разбитых полков Барятинского, обратившихся в паническое бегство. Разгром был полный: Разин захватил триста пленных, ему достался

весь обоз Барятинского, а самого Барятинского, как говорит предание, только случай спас от плена. Он был сбит с лошади и связан, но не опознан благодаря загрязненности одежды, это дало возможность одному казаку, изменившему Разину и переодевшемуся татаринном, вывезти его с поля боя.

Разгромив войска князя Барятинского и окружив Кремль, Разин торжествовал победу.

Захваченные в плен рейтары и стрельцы, освобожденные Разиным, вступили добровольцами в его отряд, представители же правящих классов и иностранцы — казнены.

Разин горячо любил русскую землю, питал непреодолимую ненависть к иностранцам, особенно к немцам, нанятым царем на государственную службу и притеснявшим русский народ.

Голландский путешественник Я. Я. Стрейс, который дважды беседовал с Разиным в 1669 году, впоследствии писал, что Разин был «...сильно озлоблен против немцев».*

Успеху Разина, между прочим, объективно немало способствовали сами правящие классы: помещики и бояре. Против Разина сразу же выступили помещики Поволжья и близ примыкавших районов. Другие же помещики из западных и северных районов, где не было непосредственной угрозы, вяло откликнулись на первый призыв царского правительства принять участие в борьбе с классовым врагом.

Часть дворян приписанных к полкам находилась или в поместьях или в пути к Симбирску. Долгорукий поэтому и жаловался на малолюдство в полках.

«...У нас малоллюдно: стольников объявилось в естях 96 человек, а в нетях 92, стряпчих в естях 95, а в нетях 212, дворян московских в естях 108, а в нетях 279, жильцов в естях 291, а в нетях 1508, разных городов дворян и детей боярских зело мало в приездах...»**

Если князь Ю. А. Долгорукий объяснял столь большое количество «нетей» тем, что повстанцы «побивали» в пути шедших к нему людей, то князь Ю. Н. Барятинский в своей отписке царю из Симбирска говорил более откровенно: «...начальные люди Зыковского и Чуберовского полков взя-

*) Я. Я. Стрейс — Три путешествия, стр. 208. — ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ — 1935 год.

**) Цитирую по С. М. Соловьеву — история России с древнейших времен, том XI, стр. 316.

ли на Москве жалование, а в полки до сих пор не бывали, живут по деревням своим, а полков держать некому...».

Полки эти, как видно из другой отписки князя Ю. Н. Барятинского, действительно не годились для серьезных боевых операций. В них не было настоящей воинской дисциплины. Они при первом же столкновении либо переходили на сторону восставших, либо разбегались с поля битвы. Объясняя царю причины поражения его под Симбирском, Барятинский писал: «А татаровя, Государь, которые в рейторах, служить худы, и ненадежны: с первого бою многие утекли в дома свои, и нельзя на них в бою положиться...».

На всем пути от Астрахани до Симбирска Разин не знал поражений и уже привык к победам. Но такая победа, которую он одержал над полками князя Ю. Н. Барятинского под Симбирском, была первой. Она вызвала народное движение на огромном пространстве между Волгой и Окой.

Не теряя времени, в первой же половине сентября Разин направил из Симбирска две основные группы войск: в западном направлении — на Пензу, под начальством атамана Михаила Харитонов и в северном — на Нижний Новгород (теперь Горький), под начальством атамана Максима Осипова.

В короткий срок крестьянское войско Разина в Симбирске увеличилось до двадцати тысяч человек за счет притока жителей города и уезда. Но не было оружия. Разин призвал кузнечных и плотничных дел мастеров на изготовление бердышей. Призыв был единодушно подхвачен: на помощь кузнецам и плотникам пришли работные люди, крестьяне и жители городского посада. Работы выполнялись «...всяких чинов людьми, денно и ночно, беспрестанно».

В Симбирской приказной избе, расположенной в восточной части посада, под горой, Разин приказал уничтожить все списки налогоплательщиков, долговые расписки, и другие казенные бумаги.

Объявив жителей города и уезда вольными, Разин ввел в Симбирске вместо земского старосты самоуправление в виде казачьего круга, в котором все дела решались большинством.

Поощренные и воодушевленные этими преобразованиями, жители города, совместно с крестьянами, сожгли мужской успенский монастырь на берегу Волги, немного выше города, в котором они видели основной источник зла колонизации и закрепощения.

ОСАДА КРЕМЛЯ

«Мы пришли вызволять свои вольности,
С атаманом со Стенькою Разиным,
От судей, от дьяков, от подьячих лихих».
(Из песни повстанцев).

Заняв нижнюю крепость города — Острог, повстанцы возвели вокруг него высокий земляной вал в дополнение к уже существовавшим укреплениям. Сделали они это на случай возможного отсиживания в осаде (если в будущем им доведется иметь дело с превосходящими силами противника). Затем начались подготовительные работы к осаде Кремля: подвозка сухих дров, сена, соломы, смолы и изготовление примитивных зажигательных снарядов, начиненных смолой и сухой дранкой.

Первый приступ начался днем, примерно 15 сентября.

Повстанцы накладывали на телеги сено и солому, подвозили к городской стене и зажигали их, стараясь привлечь силы осажденных к тушению пожара на одной стороне Кремля, а с другой шли на приступ, но потерпели неудачу.

Дневной приступ оказался безрезультатным, осажденные не давали подвозить в большом количестве сено и солому, поражая наступающих из огнестрельного оружия. Небольшое же количество зажженной соломы не могло вызвать серьезных пожаров, так как она сваливалась на дно рва, от которого деревянная кремлевская стена отделялась высокой земляной стеной. К тому же кремлевская стена осажденными закрывалась парусами, а паруса поливались водой. Возникшие кое-где пожары быстро ликвидировались. Первый приступ был отбит. Понеся значительные потери, повстанцы прекратили бесполезное наступление.

Второй приступ был произведен ночью, примерно дня через три после первого. Кроме сена и соломы, на этот раз применялись дрова и туры — зажигательные снаряды. В одном месте повстанцы пытались поджечь Кремль соломой, в другом — путем метания через городскую стену зажженных дров и снарядов, а в третьем, или в нескольких местах одновременно, шли на приступ. Эта ночная атака также была отбита с большими потерями для наступающих, потому что составшим не удалось создать сколько-нибудь значительных пожаров, которые отвлекли бы силы осажденных и ослабили бы их оборону.

Дрова и снаряды, бросаемые через городскую стену, желаемого результата также не дали: далеко не все они дости-

тали цели; упавшие же в Кремль снаряды энергично обезвреживались осажденными — они сжигали их в специальных ямах. После яростных схваток у стен Кремля повстанцы, не добившись успеха, прекратили и этот приступ.

Потерпев две неудачи, наступавшие стали готовиться более тщательно к третьему приступу. Через несколько дней они, работая ночами, возвели вдоль городской стены с казанской, т. е. с северной стороны, земляной вал, с башнями на концах, длиной около восьми—десяти метров и высотой вровень с городской стеной. С этого вала можно было видеть все, что делалось в Кремле. Кроме того, было заготовлено большое количество снарядов и сухих дров. Для приступа в разных местах были сосредоточены лучшие отряды восставших.

Приступ назначили на ночное время. Начался он пушечной стрельбой. С башен вала били по Кремлю в упор. Одно-

временно за городскую стену полетела масса зажженных дров и снарядов. Описывая в темноте ночи «радуги», снаряды падали в город, образуя пожары. В то же время специальные отряды во многих местах пошли на приступ, стараясь прорваться в Кремль. Битва была исключительно ожесточенной, но кончилась она опять-таки неудачно для наступавших. Кремлю они причинили серьезные повреждения, но за его стены проникнуть не смогли. Все их атаки были отбиты. Пожары тушили осажденными так же успешно, как и раньше.

Очевидец осады, московский стрелец, бывший в плену у Раина, Родион Никитин, в распросе по этому поводу показывал: «...разинцы мечут, а в городе жгут, а в которых местах огонь был велик, и из города де завесили парусами и заливали водой...»

Если повстанцы, боровшиеся за интересы народа, отличались храбростью, геройски шли в наступление и упорно вели его, то осажденные, состоявшие в большинстве своем из представителей правящих сословий, против которых было направлено восстание, хорошо знали, что им не будет пощады от разгневанного победившего народа, и защищались с ожесточением обреченных.

Трехкратные схватки у стен Кремля обеим сторонам обошлись слишком дорого. Повстанцы понесли чувствительные потери. Многие лучшие люди их оказались убитыми или ранеными, а из немногочисленной артиллерии вполне исправных осталось только четыре пушки. Ружей явно не хватало. Основным оружием двадцатитысячной, неорганизованной и не обученной армии Разина в Симбирске были бердыши, стрелы, копыя, вилы, ножи и другое самодельное оружие.

Рассчитывая на быстрое взятие Кремля, богатого огнестрельным оружием, Разин оставил в Симбирске самое минимальное вооружение, передав большую его часть основным группам своих войск, руководимым Михаилом Харитоновым и Максимом Осиповым и направленным вглубь страны.

Такое решение вопроса Разину вначале показалось правильным. Изгнав царские войска из Симбирска и окружив крупные силы противника в Кремле, судьбу которых он считал уже предрешенной, Разин полагал, что наступил очень удобный момент для расширения народного движения, для поднятия угнетенных, в первую очередь в центральных районах, а затем и во всем Московском государстве на борьбу с крепостниками-феодолами. Эта задача выполнялась успешно, но теперь, после трех неудачных попыток взять Кремль и довольно ощутительных потерь в людях и вооружении, стало ясно, что распыление сил было преждевременным и неосторожным.

Гораздо хуже было положение осажденных в Кремле. В результате осады городские стены в ряде мест оказались разрушенными, значительная часть оружия пришла в негодность, да и боеприпасы подходили к концу. Ощущался острый недостаток питьевой воды и люди уже испытывали мучительную жажду. Еще несколько дней, а может быть даже часов, и они потеряли бы всякую способность к сопротивлению. Кремль, несомненно, был бы взят Разиным, но в самый критический момент обстановка резко изменилась: к Симбирску подошли свежие, обученные «иноземному строю» и хорошо вооруженные царские войска из числа привилегированных

слоев населения, призванных по специальному царскому наказу для подавления крестьянского движения.

Отборные части под командованием князя Ю. Н. Барятинского были направлены в самый центр движения — на Симбирск. Выступили они с устья реки Казани 15-го сентября 1670 года. Их путь проходил по районам, охваченным восстанием, где было проведено несколько сражений. 29-го сентября они вступили в Тагай, где, кстати сказать, не оказалось ни одного человека — все ушли к Разину в Симбирск.

В районе Юшанска войска Барятинского пересекли Симбирско-Карсунскую черту и ее южной, как тогда называли, крымской стороной, направились к Симбирску. 1-го октября, не доходя двух километров до Свияги, они остановились против города.

РЕШАЮЩИЕ СРАЖЕНИЯ ЗА СИМБИРСК

«— Ох ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая.
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина».
(из народной песни о Разине).

Разин хорошо понимал, что превосходство в силах явно на стороне царских войск, но он и на этот раз решил взять дерзостью и отвагой, и первый напал на врага. Оставив пехоту и пушкарей с четырьмя пушками на восточном берегу, 1-го октября он с конницей переправился на западный берег Свияги и пошел в наступление.

Князь Ю. Барятинский, издевавший уже наступательную силу войск Разина, теперь, по свидетельству очевидца, применил оригинальную военную хитрость. Пехоту и артиллерию он построил в боевые порядки, но загородил их кавалерией, преднамеренно выведенной вперед, как бы для контратаки. Но это была только видимость. Подпустив казаков на двадцать саженей, Барятинский отвел свою кавалерию на задний план, а пехоте и пушкарям приказал открыть огонь по коннице Разина, оказавшейся под прямым ударом на открытой местности. Несколько дружных залпов из пушек и мушкетов, так неожиданно обрушенных на казаков, вывели из строя значительную часть всадников и внесли замешательство в их рядах. Воспользовавшись этим, кавалерийские полки Барятинского нанесли сабельный удар. Казаки не выдержали и откатились к Свияге. Кавалерия Барятинского из боязни оторваться от пехоты, не решалась преследовать их.

Тогда Разин решил ввести в дело свои главные силы. Он

переправил войска через Свиягу и, построив их в боевые порядки, повел уже более сильное наступление. Теперь встретились пехота с пехотой, а конница с конницей. Дрались врукопашную саблями, копьями, рогатинами, бердышами; из пушек и ружей, а разинские стрелки еще и из луков — били в упор. Трупы людей и лошадей были навалены целыми горами, земля побагровела от крови, а битва все продолжалась. Разин, как и всегда, бился в самых жарких местах. Много находилось охотников сразить его саблей или копьем, но ни один из них не оставался в живых.

Обладая огромной физической силой и изумительной ловкостью, Разин беспощадно рубил врагов, но вражеская пуля пробила ногу Разина и свалила его лошадь. Одному царскому ратнику удалось ранить саблей в голову свалившегося с лошади и лежавшего на земле атамана, но ратник за это заплатился собственной головой. В этот момент другой стрелец из царских войск схватил Разина, находившегося в бес-

сознательном состоянии, и, взвалив его на плечо, хотел отнести к Бярятинскому, но не успел стрелец сделать и двух шагов, как свалился с рассеченной пополам головой. Тут соратники Разина, нажав на противника, оттеснили его и вынесли с поля боя дважды раненого и потерявшего способность управлять сражением, своего атамана.

Надвигались сумерки. Не видя атамана и не чувствуя руководства, восставшие, не успев подобрать раненых, отступили за Свиягу. Царские войска захватили у Разина все четыре пушки, четырнадцать знамен и литавры. В плен было взято сто двадцать повстанцев, преимущественно раненых.

Началась кровавая расправа с пленными. По приказу Бярятинского построили сорок виселиц. Казаков вешали, остальных рубили саблями. Враг торжествовал.

Восставших нельзя было упрекнуть в недостатке энергии. Их воля к победе и стойкость в бою были поистине изумительны. В рукопашной схватке они нанесли серьезный ущерб значительно лучше вооруженному противнику, но победить его были не в состоянии, ибо у них не было боевой выучки, дисциплины, вооружения. В этом отношении превосходство было, безусловно, на стороне врага.

День 2-го октября прошел спокойно. Царские войска готовились к переправе, наводили мосты через Свиягу, а восставшие спешно приводили в порядок свою оборону, готовясь к длительной борьбе, базируясь на захваченную ими крепость Острог.

Раненого Разина отвезли в шатер на берегу Волги, где находилась его ставка во время осады Кремля. Положение Разина было серьезным, временами он терял сознание и бредил. Руководство борьбой с противником взяли на себя ближайшие его соратники во главе с есаулом, немедленно пославшим гонца в село Лысково к атаману Максиму Осипову. От имени Разина есаул требовал, чтобы Максим Осипов со всеми своими силами спешно шел к Симбирску на помощь.

Получив приказ о возвращении к Симбирску, Осипов отложил уже подготовленный поход на Нижний Новгород, но и к Симбирску не пошел, т. к. вскоре получил известие о поражении, понесенном Разиным под Симбирском.

ОТСТУПЛЕНИЕ РАЗИНА

«Вы, леса мои леса, братцы, лесочки,
леса темные.

Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки,
кусты частые.

Вы станы ли мои, братцы, станочки все
поразорены

Как и все мои, братцы, лесочки все
порублены,

Как и все то мои, братцы, кусточки все
повыжжены,

Как и все то мои, братцы, товарищи, все
половлены.

Не пойман из нас, братцы, товарищ наш
Стенька, Разин сын».

(Из песни о Разине).

Утром 3 октября царские войска по двум наведенным ими мостам переправились через Свиягу и повели наступление на город. Преодолев незначительное сопротивление, они подошли к Симбирскому Кремлю с западной стороны и

соединились с осажденными в нем войсками воеводы Ми-
лославского.

Осада Кремля, таким образом, была снята, но у север-
ной, восточной и южной кремлевских стен стояли еще отря-
ды Разина, хотя и потерпевшие поражение в бою за Свиягой,
но еще не побежденные. Они готовились к решительной
схватке.

За час до наступления темноты воеводы выступили уже
объединенными силами. Милославский повел свои полки на
Острог, а Барятинский ударил с севера во фланг, намерева-
ясь захватить разинский обоз. Наступление воевод было от-
бито.

Ночью восставшие сами перешли в наступление. Они ре-
шили во чтобы-то ни стало захватить Кремль для того, чтобы
базируясь на две крепости, продержаться несколько дней в
осаде до подхода войск Максима Осипова.

В наступление на Кремль соратники Разина бросили свои
главные силы. К стенам крепости подвозились телеги с сеном
и соломой, были пущены в ход сотни зажигательных снаря-
дов, возникли огромные пожары. Отряды повстанцев бро-
сались на приступ со всех сторон. Одни падали сраженные
врагом, другие через трупы своих товарищей упорно шли к
цели. Привычные к ведению ночного боя, они брали верх над
царскими войсками, но исходом этого решающего сражения
опять таки воспользовался Барятинский. Он, пользуясь тем-
нотой, незаметно послал в обход повстанцам с северо-запад-
ной стороны от Свияги полк под командованием полковника
А. Чубарова.

Создалась угроза быть отрезанными от Волги и потерять
струи. Тогда наиболее близкая к Разину группа казаков,
стараясь спасти раненого атамана и не вызвать при этом па-
ники среди восставших, перенесла его на судно.

Погрузив необходимое оружие и продовольствие и взяв
хороших гребцов, в ночь с 3-го на 4-ое октября 1670 года на
нескольких стругах казаки отплыли из Симбирска вниз по
Волге—в надежде пробраться на Дон.

Узнав об отступлении Разина, воеводы утром 4-го октября
повели решительное наступление с двух сторон на Острог,
где находились основные силы крестьянских отрядов.

Превосходство сил было на стороне царских войск, но
ввиду яростного сопротивления повстанцев, битва могла за-
тянуться, а это не входило в расчеты царского командова-
ния. Тогда воеводы решили поджечь Острог. Пожары возник-

ли одновременно в нескольких местах. Вытесняемые огнем, восставшие стали покидать Острог и, не выдержав стремительного натиска противника, побежали к Волге, стараясь спастись бегством на стругах.

У причала образовалась невообразимая давка. Теперь люди не думали о сопротивлении, а бежали в панике и бросались в струги, которые тут же тонули от переполнения. Царские войска преследовали бежавших повстанцев буквально по пятам, рубили, кололи, топтали конями, стреляли. Успевшие сесть в струги либо тонули сами, либо были убиты и потоплены преследователями.

Большая часть крестьянского войска была варварски истреблена в Симбирске, спастись же удалось лишь немногим. В плен было взято около шестисот человек.

Предводителей четвертовали: отрубали сначала руки и ноги, а потом голову, иных просто рубили саблями, либо топорами. Большинство повстанцев было задушено на виселицах, расставленных по всем дорогам и по берегу Волги в несколько рядов. Много виселиц было и пловучих. Вешали за шею или за ребро на поставленных на плоту крестообразных виселицах по четыре человека, а плоты пускали вниз по Волге. Так царское правительство расправилось под Симбирском с восставшим народом.

V.

ВОССТАНИЕ В СИМБИРСКОМ КРАЕ

«Ветром море колыхет, молвою народ».
«Не барину тот пир, куда идет весь мир».
«И не рада б курочка на пир, да за хохол
ташат».

(Старинные русские народные пословицы).

ВЕСТЬ О ПОБЕДЕ РАЗИНА под Симбирском в сентябре 1670 года всколыхнула народы всего Среднего Поволжья и пошла далеко за его пределы. Восстали одновременно русские, мордва, чуваш, марийцы и народы других национальностей. Всюду возникали повстанческие отряды во главе со своими местными атаманами.

Восстание русских возглавил Симбирский казак Иван Васильев, мордвы—мордвин из деревни Шугурово, Саранского уезда, Павел Елашев, восстание чуваш—чувашин из деревни Кувашево, Цивильского уезда, Алгип Атимов,* а марийцев—Козьмодемьянский марийский пристав Мирон Му-марин**.

Крестьяне, вооруженные самодельным оружием, собирались на сходы, брали под арест представителей государственной власти, сжигали казенные бумаги. Сюда же приводили помещичьих приказчиков и не успевших бежать помещиков.

Стихийно шло восстание, также стихийно, в пылу его, создавалось новое крестьянское самоуправление, избирались вновь старосты, а важнейшие вопросы решались «всем миром». Тут же на миру вершили суд над пойманными угнетателями и выносили им краткие словесные пригово-

*) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 82, издание Москва 1857 года.

** Старинная рукопись, составленная по архивным материалам. Макарьева-Уженского монастыря, хранящаяся в Ульяновском Дворце книги, в отделе рукописных книг, в папке «Симбирская губерния».

ры: «повесить», или «в куль, да в воду»,—немедленно приводимые в исполнение. Иных и оправдывали, крича при этом всем сходом—«одобряем, всем миром одобряем». Оправданные получали свободу и включались в общее движение. Наиболее обнаглевших притеснителей не доводили до сходов, а убивали сразу же на месте.

Покончив с местными врагами, восставшие группами шли в помещичьи усадьбы, где забирали скот, хлеб, инвентарь, ценные вещи и делили между немущими. Некоторые поместья крестьяне сжигали..

В одном из документов того времени об этом периоде восстания говорится: «Стенькины загонщики по всему Симбирскому уезду разосланы и поместных людей, дворян и детей боярских и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут, а к Симбирску пройти немочно».

В начале сентября 1670 года крестьянский отряд во главе с атаманом Михаилом Харитоновым занял всю Симбирско-Карсунскую военную черту и взял конечный ее пункт город Карсун... «а воевода, — как говорится в одном из исторических документов—с женою и под'ячие...побиты и атаманы в Карсуне выбраны, и уездные и всяких чинов люди крест целовали...» на верность Разину. Из Карсуна отряд Михаила Харитонова направился в западном направлении на Пензу.

Стрельцы, пушкарки и казаки, державшие охрану черты, и крестьяне, прилегавших к ней деревень, дружно восстали и перешли на сторону Разина. Значительная часть их присоединилась к отряду Михаила Харитонова, а остальные продолжали борьбу на месте.

Насколько успешно распространялось восстание, можно судить по тому, что в течение сентября отряд Михаила Харитонова, быстро увеличиваясь в своем числе за счет местного населения, овладел городами: Атемаром, Инсарским острогом, Саранском, Пензой, Наровчатом, Керенском, Верхним Ломовом и Нижним Ломовом.

Примкнувшие к отряду Харитонова в значительном количестве мордовские крестьяне отделились от него после занятия Саранска и действовали, в основном, в пределах национального мордовского района под руководством П. Елашева и донских казаков Мурашко, Мурза-Кайко, Алексея Савельева и других.

Несколько позднее тем же путем из Симбирска направился отряд Максима Осипова, повернувший из Карсуна на север, в общем направлении на Нижний Новгород (Горький).

К отряду М. Осипова присоединилось многочисленное ополчение казаков, стрельцов и пушкарей Симбирско-Карсунской черты, а также крестьян окрестных деревень под общим командованием Симбирского казака Ивана Васильева. Вскоре после этого были заняты Промзино-Городище (Сурск), Барышская слобода и другие населенные пункты, жители которых влились в ополчение И. Васильева.

В течение сентября были взяты города: Алатырь, Курмыш, Ядрин, Козьмодемьянск и крупные села: Лысково, Мурашкино и многие другие. Воеводы и приказные, если они оказывали сопротивление, истреблялись, все их имущество отбиралось и поступало в раздел. В городах создавалось народное самоуправление, подобное казачьему кругу, во главе с атаманом. Но были и такие воеводы, которые переходили на сторону восставшего народа. Так поступили Курмышский и Ядринский воеводы. Они устроили повстанцам торжественную встречу, были одобрены всем народом, оставлены во главе народного самоуправления и пользовались полным доверием народа.

Отряд М. Осипова насчитывал к этому времени уже свыше пятнадцати тысяч человек и все время пополнялся за счет крестьян, посадских и работных людей.

К Осипову дважды прибывала делегация от жителей Нижнего Новгорода, приглашавшая его с отрядом к себе, обещая истребить всех приказных и сдать ему город. М. Осипов готовился к походу на Нижний, но выполнить своего намерения не смог.

В повстанческих войсках происходили своеобразные, но характерные для стихийного народного движения процессы. Количество отрядов повстанцев непрерывно увеличивалось, и в то же время они рассредотачивались. Причем, это последнее явление происходило нередко помимо воли атамана. Мордва, чуваш и марийцы норовили уйти в свои национальные районы, распыляя тем самым силы движения и затрудняя общее руководство боевыми действиями восставших.

Пока повстанцы не встречали серьезного сопротивления со стороны царских войск, все шло хорошо, но первые же удары регулярных воинских частей показали всю слабость стихийно образовавшихся, распыленных и плохо вооруженных повстанческих отрядов, несмотря на их храбрость и боевую стойкость.

Симбирское ополчение действовало главным образом в Козьмодемьянском уезде. В борьбе с царскими войсками оно

отличалось большой выдержкой и упорством, что нередко расстраивало планы царского командования. Князь Ю. Долгорукий из Арзамаса доносил царю: «Пушье заводчики в воровстве те, которые присланы от Стеньки Разина, из Симбирской черты стрельцы и казаки, да будники. На таких воров малые посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать — у нас малолюдно».*

О стойкости Симбирского ополчения и о личной отваге его атамана Ивана Васильева говорит также князь Даниил Барятинский в своих двух отписках царю из Козьмодемьянского уезда от 13 ноября и 2 декабря 1670 года.**:

В общую борьбу за вольную жизнь включились и женщины. Крестьянка Алена, родом из Арзамаса, в городе Темникове организовала и возглавила крупный крестьянский отряд, отличавшийся храбростью и упорством в борьбе с угнетателями. Эта простая русская женщина, поднявшаяся на столь большую высоту общественно-политической и боевой деятельности, вдохновляла своим примером других женщин.

Такой героический подвиг крестьянки по тому времени царским воеводам казался совершенно невероятным. Рассчитывая на суеверие крестьянства, воеводы поспешили объявить, что Алена не обыкновенная женщина, а «ведьма». При ликвидации народного движения, им удалось захватить Алену в плен и подвергнуть ее жесточайшим пыткам. Алену приговорили к мучительной смерти — к сожжению в срубе. Но ничто не сломило волю отважной женщины — борца за интересы угнетенного народа. Спокойно выслушав смертный приговор, она заявила: «Когда бы все так воевали, как я, князь Юрий (Долгорукий Д. К.) навострил бы от нас лыжи».

Народное движение не ограничивалось районами, занятыми отрядами М. Харитонova и М. Осипова. Вооруженные восстания вспыхнули на огромном пространстве Московского Государства. Центром движения было Среднее Поволжье, нынешние Мордовская и Чувашская республики, Пензенская

*) С. М. Соловьев — История России с древнейших времен, том XI, стр. 316.

**) Иван Васильев, как храбрый атаман — симбирец, упоминается в старинной рукописи, хранящейся в Ульяновском Дворце книги, в отделе рукописных книг, в папке «Симбирская губерния».

В грамоте царя Алексея Михайловича от 10 декабря 1670 года, адресованной Симбирскому и Казанскому воеводам говорится, что атаман Иван Васильев был убит в сражении с царскими войсками под Козьмодемьянском. (Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 85—92).

и Тамбовская области, но вообще народные волнения происходили и далеко за пределами этих районов.

Восстание перекинулось на левый берег Волги и стало распространяться вверх по рекам Унже и Ветлуге. Им была охвачена Слободская Украина, где действовал брат Разина, Фрол. Заволновался народ и на берегах Белого моря, и в Коломне под Москвой. В самый разгар народного движения общее число его участников, как говорит К. И. Невоструев, достигало двухсот тысяч человек.*

Даже в самой Москве стали настойчиво поговаривать, что Разин не вор, а защитник «всей черни». На улицах Москвы среди бела дня устраивались дерзкие нападения на богатей и на представителей государственной власти.

Всюду, где возникали вооруженные повстанческие отряды, объявлялось всеобщее равенство: «чтоб всяк всякому был равен». Силы крестьянского движения росли очень быстро. От мощных ударов поднявшегося на борьбу угнетенного народа зашаталась устои самодержавия.

Царские воеводы, располагая ненадежными стрелецкими полками сочувствующими крестьянскому движению, и опираясь главным образом на дворян и детей боярских, бежавших из районов, охваченных движением, не могли подавить крестьянского восстания в самом его начале, а лишь удерживали отдельные опорные пункты Поволжья: Казань, Свияжск, Арзамас.

В Арзамасе стоял с небольшими силами князь и воевода Ю. А. Долгорукий, назначенный впоследствии командующим всеми царскими войсками по борьбе с народным движением, вместо смещенного с этого поста Казанского воеводы П. Урусова.

Не имея сил для наступательных действий, он ограничивался сопротивлением, собиранием сведений о численном составе и местах сосредоточения повстанцев, о чем доносил царю.

Долгорукий получал сообщения одно тревожнее другого. Алатырский губной староста Андрей Топорнин в распросе рассказывал: «Симбирские и Карсунские стрельцы и казаки и уездные люди, помещиковы и вотчинниковы крестьяне, и мордва и чуваша приложились к Стеньке Разину, и многих тех городов дворян, детей боярских и помещиков побивают и дома их берут, и Алатырского уезду уездные люди, по-

*) К. И. Невоструев — Историческое обозрение Симбирска, стр. 16, Симбирск, 1909 г.

мещиковы и вотчинниковы крестьяне и мордва Верхосурского стану пристали к ним же».

То же самое происходило в Нижегородском уезде. Крестьяне и посадские люди крупных торговых сел Лысково и Мурашкино взбунтовались, не дожидаясь прихода отряда М. Осипова. Дорога на Нижний восставшим крестьянам была открыта, но воеводы ничего не могли предпринять.

В конце сентября 1670 года, князь Ю. Долгорукий доносил царю: «А твоих Великого Государя, ратных людей в Нижнем, оприч стрельцев никаких нет и в Нижнем де Государь от воровских людей опасно всякого дурна... и по тем, Государь, вестям, в те места послать нам холопам твоим неково, потому, что у нас в полку малоллюдно...»

Перепуганное царское правительство признало необходимым принять чрезвычайные меры. Правящие классы поняли, какую опасность для них несет крестьянское движение, возглавляемое Степаном Разиным.

В Москве спешно формировались и обучались иноземному строю воинские части из прибывших по призыву столичных и провинциальных дворян и детей боярских. Боеспособность этих войск не подлежала никакому сомнению, все шло с полным сознанием и решимостью «защитить дома свои». Командирами частей были назначены лучшие военные специалисты того времени, имевшие при себе иностранных инструкторов. По свидетельству современников, их поражала необычайная роскошь одежды, вооружения и снаряжения ратников.

На подавление крестьянского движения были переброшены воинские части также и с западной государственной границы.

Из Москвы войска выступили 1 сентября 1670 года, а к середине сентября передовые части стали уже приближаться к районам восстания. Царские войска со всех сторон охватывали повстанцев, сжимая их в кольцо.

Группа царских войск во главе с думным дворянином и воеводой К. Т. Хитрово действовала в Тамбовском и Пензенском уездах. Войска окольного и воеводы князя К. О. Щербатова и думного дворянина Ф. И. Леонтьева — в Нижегородском уезде. Князь Даниил Барятинский командовал войсками в районах Цивильска, Чебоксар, Козьмодемьянска. В районе Алатыря действовал полк стольника и воеводы В. Панина. Войска Ю. Долгорукого в Арзамасе также были значительно пополнены.

УПОРНЫЕ СРАЖЕНИЯ

«Царю государю... бьет челом холоп твой Богдашко Хитрово.

В нынешнем, во 179 году* в сентябре, как приходили под Олатырь и Олатырский уезд воры и изменники и в их воровском приходе олатурской моей вотчины села Барышской слободы крестьяне от своего малоумия пошатались, а за шатость им никакого наказания не учинено.

Милосердный государь... пожалуй меня холопа своего вели, государь, послать ис Казанского Дворца Сытного Дворца стряпчего Ефима Насонова в олатырскую мою вотчину в село Барышскую Слободу и про шатость крестьян моих разыскать и по сыску хто чего смертной и торговой казни доведетца за воровство, учинить им указ каковы подаст статьи человек мой Сенко Иевлев. Царь государь, смилюйся».

С поражением отрядов Разина под Симбирском, размах крестьянской войны не уменьшился, а наоборот, движение охватывало, все новые и новые районы. Испытав, хотя и кратковременную, но в борьбе добытую, вольную жизнь без помещиков и приказных, без тяжелых налогов и повинностей, народ не хотел расставаться со столь дорогими завоеваниями.

Мелкие повстанческие отряды, замыкавшиеся до сих пор в своих национальных или административных районах, теперь перед лицом опасности так же стихийно, как и возникли, стали объединяться в более крупные и ожесточенно дрались с царскими войсками, наступавшими со всех сторон.

Оставшиеся в живых участники разгромленных повстанческих отрядов разбегались, скрывались в лесах, вновь образовывали отряды и нападали на царские войска, но оружие складывать не хотели, т. к. это означало неволю, унижение, жалкое и позорное существование.

Симбирский воевода Милославский писал царю 2 декабря 1670 года: «А Уренские и Карсунские и Малокарсунские жители и по сей час тебе Великому Государю не доби́ли челом и вины своей не принесли, собрався Симбирской и Карсунской черты из пригородов и из слобод и из деревень многие

*) Во 179 году — в 1719 году по древнему летоисчислению от «сотворения мира». По нашему летоисчислению — 1671 год. В данном же случае сентябрь 1670 года, но т. к. новый год тогда начинался с 1 сентября, то Хитрово этот месяц относит к 1671 году.

воровские люди, казаки и крестьяне, татаровя и чуваша и мордва... и на них, Государь, пошел с полки окольников и воевода князь Юрия Никитич Борятинской».*

В октябре повстанческий отряд из семисот человек появился в Надеинском Усолье (на Самарской Луке). Это были повстанцы, бежавшие из Симбирска после отступления Разина. С отрядом зверски расправилась воинская часть под командованием Белоярского воеводы Козинского, который 23 октября из Белого Яра донес Милославскому, что большинство повстанцев побито и что живыми взято только двадцать человек. Пленных доставили в Симбирск и после жестоких пыток убили: руководителей четвертовали, а остальных повесили.

Князь Ю. Н. Барятинский после отступления Разина целый месяц стоял в Симбирске со всеми своими силами, опасаясь нападения повстанцев на Симбирск, и только после тщательной разведки в конце октября пошел по Симбирско-Карсунской черте, где были сосредоточены крупные силы восставших.

Первое столкновение войск Барятинского с восьмисотым крестьянским отрядом под водительством донского казака Мурза-Кайко произошло на реке Урень. В коротком бою повстанцы были разбиты, Барятинский взял 170 пленных, захватил 16 знамен и 4 пушки. Мурза-Кайко отступил с остатком своего отряда, но его настигли войска Барятинского и отбили обоз.

Часть пленных Барятинский отпустил, послав их в повстанческие районы для уговора, а большинство повесил. За эту кровавую расправу Барятинский получил благодарность от самого царя. В своей грамоте на имя Барятинского царь писал: «...и то ты учинил добро и за твою службу и за радение, мы, Великий государь, жалуем и милостиво похваляем»**.

Расправившись с Уренским отрядом, Ю. Барятинский отошел в Тагай, где 5 ноября получил сведения, что у реки Барыш, в районе сел Большая Кондарать и Усть-Уренской слободы, стоит объединенный крестьянский отряд численностью в пятнадцать тысяч человек, под водительством донских казаков Мурашко и Мурза-Кайко.

*) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 67, изд. Москва, 1857 г.

**) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 98, Москва, 1857 г.

*4) Степан Разин.

6-го ноября войска Барятинского направились из Тагая к реке Барыш. В Усть-Уренской слободе их встретил передовой отряд повстанцев, который при первом же столкновении был разбит, а его атаман — Мурза-Кайко ранен. Пленных повесили. Остатки отряда со своим раненым атаманом отступили за реку Барыш и соединились с главными силами.

Войска Барятинского построили три моста через Барыш и 12-го ноября переправились на западный берег реки. Подойдя с южной стороны к речке Кондаратке, они увидели на ее северном берегу, около села Большая Кондарать, конные и пешие крестьянские войска с двенадцатью пушками. Несколько часов войска стояли друг против друга, отделенные речкой, не решаясь начать переправу. Наконец Барятинский, найдя удобные места для переправы, приказал начать наступление.

Сражение было исключительно ожесточенным. Восставшие крестьяне бились с беззаветной храбростью. Но царские войска имели подавляющее превосходство в численности, в вооружении и в военной выучке. Естественно, что плохо вооруженные крестьяне не могли долго держаться против столь сильного противника; в их рядах началась паника, ею и не замедлили воспользоваться каратели. Они со звериной яростью истребляли отступавших в беспорядке повстанцев. Сообщая об этом сражении царю, князь Ю. Барятинский писал, что повстанцы «побежали разными дорогами, и секли их конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах по трупам нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли».*

Победители взяли в плен 323 человека и захватили одиннадцать пушек и двадцать четыре знамени. Одну пушку у крестьян разорвало во время сражения. Отдельным группам повстанцев все же удалось спастись; к ним впоследствии присоединились разбежавшиеся одиночки. Способность восстанавливать свои силы в повстанческом лагере была поистине изумительна.

Едва успели просохнуть потоки крови после Кондаратского сражения, как воеводы получили новые сведения о том, что в Мордовском национальном районе в первых числах декабря собрались еще более крупные силы повстанцев, общей численностью свыше двадцати тысяч человек. Сюда было стянуто несколько повстанческих отрядов под води-

*) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 70, Москва, 1857 г.

тельством атаманов; Мурашко, Мурза-Кайко, Алексея Савельева, Ивана Леонтьева и Якова Никитинского. Ядром этой группы войск был мордовский отряд во главе с мордвинном Павлом Елашевым.

Предводители крестьянской армии решили пока уклоняться от сражения с войсками князя Ю. Барятинского и повели свои отряды на город Алатырь, намереваясь разбить стоявший в нем полк воеводы Василия Панина, снова захватить Алатырь и, укрепившись в нем, встретить войска Барятинского. В случае успеха это воодушевило бы крестьян и укрепило бы их веру в победу над врагом. Но этот замысел крестьянских предводителей был своевременно разгадан воеводами. Из отписки царю князя Ю. Долгорукого от 25 декабря видно, что воевода В. Панин со своим полком сам вышел навстречу повстанцам и встретился с ними вблизи села Тургенево, в Мордовской деревне Баево. К этому времени подоспели и пять конных сотен, посланных князем Ю. Барятинским на соединение с полком В. Панина.

7-го декабря, в конце дня в районе деревни Баево произошел небольшой бой, прекратившийся с наступлением темноты. В ночь на 8-е декабря сюда подошли и главные силы Ю. Барятинского.

Крестьянские отряды отошли к селу Тургенево, укрепились в нем и для принятия лобового удара царских войск построили по фронту пехоту и конницу. На фланге повстанцы построили укрепления из телег, повозок и других громоздких предметов, за которыми укрыли мелкие группы конницы и пехоты с несколькими пушками. Эти группы в подходящий момент должны были нанести удар во фланг вражеских войск. Для вылазок в укреплениях были сделаны специальные проходы, но чтобы ими не мог воспользоваться неприятель, в них поставили рогатки, т. е. с обоих концов просунули рогатины, сходящиеся остриями в середине. В случае надобности рогатки быстро убирались.

На рассвете 8-го декабря воеводы повели наступление и в районе села Тургенево произошло решающее сражение, закончившееся полным разгромом крестьянской армии. После нескольких ружейно-пушечных залпов повстанцам был нанесен сильнейший удар с трех сторон: царские войска захватили весь их обоз и уничтожили охранявшие его группы. Основным крестьянским силам был нанесен серьезный ущерб: отбиты были почти все пушки и дезорганизована их оборона. В повстанческом лагере началась паника. Побежденные

крестьяне пытались спастись бегством, но их всюду преследовали царские войска. Барятинским было захвачено двадцать пушек и шестьдесят восемь знамен.

Предводители крестьянских отрядов, мелкие повстанческие группы и одиночки бежали в леса или в другие районы и присоединялись к уцелевшим еще отрядам, вместе с которыми и продолжали борьбу. Некоторые из них оставались в деревнях, занятых царскими войсками и настойчиво пытались снова собрать силы для борьбы.

Царским войскам удалось захватить атамана Мурза-Кайко, скрывавшегося в Мордовской деревне Костяшево. Его отправили в Арзамас к командующему всеми царскими войсками князю Ю. Долгорукову, где после жесточайших пыток казнили.

16 декабря 1670 года царские войска вступили в город Саранск и приступили к систематическому истреблению мордовского народа, принимавшего участие в борьбе за свободу.

23 декабря к Ю. Барятинскому привели отважного предводителя восставшего мордовского народа Павла Елашева. Его также подвергли жестоким истязаниям, а затем казнили.

В районе города Керенска действовал полк польской наемной шляхты полковника Швыйковского, скомплектованный из авантюристических элементов, способных в целях наживы на любые злодеяния. Чтобы понять всю глубину национальной ненависти русского народа, надобно помнить, что происходило это вскоре после многолетней войны с Польшей (1654 — 1667 гг.) из-за Украины и Белоруссии. У шляхтичей не было здесь ничего родного, священного. Им чужды были интересы русского народа. Их то и послал царь Алексей Михайлович на подавление народного движения. Шляхтичи не оставляли в живых ни одного из участников восстания, попадавшего к ним в руки. Уничтожат отряд плохо вооруженных повстанцев, навалат груды изуродованных трупов, поставят несколько рядов виселиц с качающимися на ветру мертвецами, выжгут несколько деревень, запугают этими ужасами женщин да стариков, а затем направят их к повстанцам со строгим наказом рассказать обо всем виденном и уговорить повстанцев, чтобы они прекратили борьбу, иначе их ждет та же участь.

Шляхетский полк действовал в составе царских войск думного дворянина Я. Т. Хитрово, который в одной из своих отписок царю очень высоко оценивал способности полковника Швыйковского.

Не менее жестоко подавлялось народное движение в Нижегородском уезде войсками окольного и воеводы князя К. О. Щербатова и думного дворянина Ф. И. Леонтьева, пришедших в конце октября с боями в район повстанческих сел Лысково и Мурашкино. Здесь эти титулованные палачи учинили зверскую расправу с захваченными повстанцами. Этих вельмож не удовлетворяли виселицы и четвертование. По приказу Щербатова повстанцев сажали на кол, прибавляли гвоздями к доскам, на которых пригвожденные мучились по несколько дней; раздирали на части, захватив крючьями за ребра, засекали на смерть кнутом. Князь Ю. Долгорукий в своей отписке царю от 20 ноября 1670 года с удовлетворением доносил, что К. О. Щербатов и Ф. И. Леонтьев «Ниžний Новгород от воров очистили и воровских людей во многих местах побили...»*

У князя Даниила Бярятинского была своя манера истязаний. В отписке царю от 2 декабря он доносил, что после взятия города Козьмодемьянска ему при помощи местных священников удалось выловить многих участников восстания. «...Бито кнутом нещадно — четьреста человек», «отсечено по персту у правой руки, а иным отсечена рука — сто человек», «казнено смертью — шестьдесят человек».

Центром расправы с народным движением был город Арзамас — главная резиденция князя Ю. Долгорукого, куда отовсюду присылались захваченные в плен повстанцы. «Страшно было смотреть, — говорит современник, — на Арзамас: его предместья казались совершенно адом; стояли виселицы, и на каждой висело по сорок и по пятидесяти трупов; валялись разбросанные головы и дымились свежеш кровью; торчали колья, на которых мучались преступники и часто были живы по три дня, испытывая неопишешые страдания**».

С такими же жестокостями подавлялось восстание и в других районах Поволжья. Села и деревни, особенно в национальных районах, где крестьяне были наиболее упорны в борьбе, сжигались дотла. Всю зиму 1670 — 1671 годов, в Симбирском крае свирепствовали каратели, которыми было истреблено несколько десятков тысяч человек.

*) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, стр. 102, Москва, 1857 г.

**) Н. И. Костомаров — Русская история в жизнеописаниях, том II, стр. 342, изд. 1905 г.

Смело принимая мученическую смерть, свободолюбивые люди не хотели склонять свои гордые головы перед угнетателями.

Оставшихся в живых стариков, женщин и детей приводили к присяге: русских — к кресту, а мордву, чуваш и марийцев — к шерти по их вере.

С целью повлиять на психологию и религиозные чувства русского народа, принимавшего участие в борьбе с угнетателями, патриарх Иоасаф, по повелению царя Алексея Михайловича, на первой неделе великого поста, в 1671 году, предал анафеме Степана Разина и всех его соратников.

С тех пор ежегодно духовенство Симбирска провозглашало проклятие «богоотступнику Стеньке Разину».

«И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинаят,

Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает».

(А. А. Навроцкий—Утес Стеньки Разина).

VI.

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

«Помутился славный тихий Дон
от Черкасска до Черного моря.
Помешался весь казачий круг —
Атамана боле нет у нас.
Нет Степана Тимофеича.
По прозванию Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во Каменну — Москву
и на славной Красной площади
отрубили буйну голову».
*(Народная песня на казнь Степана
Разина).*

ПРИБЫВ НА ДОН, Разин поселился в небольшом городке Кагальнике, им построенном и укрепленном, где он рассчитывал залечить раны и собрать силы для нового похода. Но зажиточное казачество во главе с войсковым атаманом Дона Корнилием Яковлевым, пользуясь отсутствием Разина, сумело к этому времени собрать силы и установить связь с царским правительством.

14 апреля 1671 года Кагальник был осажден крупными частями войска донского. Но прежде, чем брать город приступом, атаман Яковлев вступил в переговоры с Разиным и, как свидетельствуют современники, взял его обманом.

Корнилий Яковлев был крестным отцом Разина и пользовался его уважением. Очевидно, поэтому Яковлев и не был казнен в начале повстанческого движения, когда перевес сил был явно на стороне Разина, хотя Яковлев и не заслуживал никакого снисхождения.

После взятия Степана Разина и его брата Фрола, Кагальник был сожжен и разрушен до основания, а его обитатели — соратники и родственники Разина — истреблены.

Самого Разина заковали в освященные цепи и посадили в церковный притвор для того, чтобы предупредить вмеша-

тельство «нечистой силы», при помощи которой, по мнению приказных, он, якобы, мог освободиться.

Кличкой «сверхчеловека», «колдуна» и «чернокнижника», знавшегося с «нечистой силой», Разин был наделен задолго до похода на Симбирск. В это верили не только темные народные массы, но и невежественные воеводы и приказные. Еще в 1667 году тогдашний Симбирский воевода князь Иван Дашков писал царю: «... а как они воры мимо Царицина Волгою плыли, и с Царицина де стреляли по ним из пушек, и пушки де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил, что того атамана и ясаула пищаль, ни сабля, ништо не возьмет...»^{*} Такая молва о Разине укреплялась и духовенством.

Вся жизнь Разина прошла в упорной борьбе, связанной с опасностями. Будучи от природы физически сильным, смелым и волевым человеком Разин в процессе этой борьбы еще больше окреп и закалился. Его железная воля, презрение к смерти и стойкость перед лицом опасности; его ненависть к угнетателям и любовь к простому народу казались необычайными.

В народе прочно установилось мнение, что Разина «никакая сила не возьмет».

Братьев Разиных привезли в Москву и сдали в Земский Приказ, где сразу же приступили к допросу, который сопровождался жестокими пытками. И вот здесь-то, на пытках, проявилась во всей своей полноте могучая сила и стойкость Степана Разина, мужественно и молчаливо переносившего ужаснейшие страдания.

Пытки начались с дыбы. Разина раздели, связали ему руки за спиной, подтянули за них вверх, а за ноги тянули вниз, и одновременно били кнутом по спине. Руки вывернулись из суставов, кожа покрылась пузырями, на теле образовались язвы, но Разин, не издал ни одного звука.

Его сняли с дыбы и исхлестанной спиной положили на горячие угли. Запахло жженым мясом. Разин молчал. Палачи неистовствовали. Ничего подобного им не приходилось встречать. По телу Разина они стали водить раскаленным железом, помещение наполнилось запахом гари. Разин попрежнему молчал. Наконец палачи прибегли к самой мучительной пытке. Разину обрили голову и стали лить сверху по капле холодную воду на одно и то же место головы. И это Разин мужественно выдержал — он молчал. Не удалось палачам

^{*} Материалы для истории возмущения Степки Разина, стр. 23.

выведать ни одного слова. Протоколов допроса Степана Разина не существует.

6 июня 1671 года братьев Разиных вывели на лобное место и публично прочли длинный приговор. Их приговорили к смертной казни путем четвертования. Выслушав приговор, Разин перекрестился на церковь Василия Блаженного и, обратившись к народу, спокойно сказал: «Простите». Это было его первое слово за все время пребывания в Москве.

Палач отрубил Разину сначала правую руку, потом левую ногу, а затем и голову.

Ни зырка, как и на пытках, не проронил Разин при казни. Так мужественно, гордо, с ненавистью и презрением к врагу умер за интересы угнетенных выдающийся человек своего времени, достойный сын русского народа — Степан Тимофеевич Разин.

В. И. Ленин в своей речи на открытии памятника Разину 1-го мая 1919 года говорил: *«Это Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжко страдали трудящиеся массы под игом притеснителей. . . . Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу»*.*

* В. И. Ленин — Сочинения, том XXIV, стр. 271.

VII.

ВТОРАЯ ОСАДА СИМБИРСКА

НА КАЗНЬ РАЗИНА народы Поволжья ответили новой волной возмущения. Близкий соратник Разина, донской казак Федор Шелудяк, предпринял новый поход из Астрахани вверх по Волге. К нему присоединились царицинские, саратовские и самарские крестьяне, жители городских посадов и волжские работные люди.

Во второй половине июня 1671 года Федор Шелудяк с пяти тысячным отрядом подошел к Симбирску и осадил его. Устроив вокруг города окопы, он повел свой отряд на приступ, намереваясь овладеть Симбирском.

Симбирским воеводой в это время был боярин П. В. Шереметев, который имея в своем распоряжении превосходящие силы правительственных войск, не был уверен в победе над повстанцами и поспешил связаться с полковником Н. Колобовым, стоявшим со своим полком около Тетюшь на Волге. Шереметев просил Колобова прийти к нему на помощь, а сам собрал для обороны имевшиеся у него силы.

Шелудяк сделал один за другим два приступа, но результатов не добился: осажденные яростно отбивались. Во время подготовки повстанцев к третьему приступу к Симбирску подошел полк Колобова и повел наступление на Шелудяка с тыла. Ободренные прибывшей помощью, осажденные 23 июня 1671 года сделали вылазку и нанесли повстанцам серьезный удар. Отряд Шелудяка был разбит. Пушки и все военное снаряжение повстанцев досталось царским войскам.

Федор Шелудяк с трех тысячным отрядом отступил вниз по Волге. На пути между Симбирском и Самарой ему пришлось бросить несколько стругов с тяжело ранеными, а с остатками отряда он ушел снова в Астрахань.

Около двух тысяч повстанцев отступили от Симбирска вешком. Дойдя до Надеинского Усожья на Самарской Луке

■ видя, что дальнейшая борьба бесполезна, они разбрелись в разные стороны.

13-го июля 1671 года на стругах из Нижегородского уезда с остатками своего отряда, в количестве 300 человек, подошел к Симбирску атаман Максим Осипов. У него не было намерения овладеть Симбирском, но он совершил третье нападение на город, лишь для того, чтобы обеспечить своему отряду проход вниз по Волге.

Максиму Осипову удалось довести свой отряд до Царицына. Но там его разбили царские войска, а самого М. Осипова взяли в плен и посадили в тюрьму. Вскоре и в Астрахани было подавлено сопротивление повстанцев, а бывшие соратники Разина во главе с Федором Шелудяком казнены.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА под руководством Степана Тимофеевича Разина возникла в то время, когда феодально-крепостнический строй в России переживал восходящий период своего развития. Усиление эксплуатации крестьян естественно вызвало резкое обострение классовых противоречий и стихийное возмущение народа. Но вооруженное восстание не могло иметь успеха потому, что условий для ликвидации крепостничества в стране тогда еще не было.

Однако, в первое время, когда в районах Поволжья московское правительство располагало только стрелецкими полками, стрельцы которых не хотели воевать с восставшими крестьянами, движение возглавляемое Разиным одержало крупные успехи и распространилось на огромной территории государства. Под влиянием этих успехов Разин переоценил силы крестьянского движения и недооценил силы противника, располагавшего государственным аппаратом и хорошо вооруженной регулярной армией. Взяв Царицын в мае 1670 г. он совершенно бесцельно задержался в нем на месяц, а несколько позднее — на три недели в Астрахани. Эта задержка дала возможность правительству мобилизовать, обучить и сосредоточить войска для подавления движения. Можно с уверенностью сказать, что если бы Разин со своим отрядом прибыл в Симбирск на месяц—полтора раньше, он захватил бы воевод врасплох и взял город, а это в свою очередь оказало бы серьезное влияние на дальнейшее развитие движения.

Во времена крестьянского движения 1670—1671 гг. в России еще не было рабочего класса, который возглавил бы борьбу крестьян против угнетателей. Движение было стихийным. У Разина не было стройной программы борьбы, и он не имел ясного представления о том, каким должно быть государственное и общественное устройство после победы над угнетателями. Он вел крестьян на борьбу за свободную

жизнь, независимую от эксплуататоров, и в то же время призывал их к борьбе за «хорошего царя».

Движение возглавляемое Разиным было грозной силой для угнетателей, но оно потерпело неудачу. Стихийность, неорганизованность, местнические тенденции и распыленность сил движения, обрекали его на поражение. «Крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели».*

Товарищи Ленин и Сталин называли крестьянские войны революциями крепостных крестьян, но революциями одноклассовыми, способными лишь заменить одних эксплуататоров другими. Говоря о революции в условиях феодально-крепостнического строя товарищ Сталин сказал:

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменялись другими эксплуататорами...»*

Стихийное крестьянское движение во главе с Разиным не ликвидировало и не могло ликвидировать крепостного права в России, оно не уничтожило эксплуататоров и не принесло народу никаких улучшений, но оно расшатывало устои феодально-крепостнического строя, а в захваченных районах предоставляло угнетенным полную свободу, в результате чего оставило глубокий след в сознании народа, являвшийся на протяжении веков стимулом и призывом к дальнейшей борьбе. И в этом прогрессивное значение крестьянского движения Разина.

Только Великая Октябрьская Социалистическая Революция ликвидировала всех и всяких эксплуататоров и уничтожила все формы эксплуатации. Только она избавила трудящееся крестьянство от кабалы и разорения и открыла ему пути к зажиточной и счастливой колхозной жизни. Произошло это потому, что на этот раз трудящееся крестьянство вступило в борьбу не стихийно, а организованно, в союзе и во главе с рабочим классом, под руководством партии **ЛЕНИНА — СТАЛИНА**.

*) Ленин и Сталин — сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г.

**) И. Сталин — Вопросы ленинизма, стр. 418, издание II, 1932 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ*

1. ИЗ ОТПИСКИ ЦАРЮ СИБИРСКОГО ВОЕВОДЫ ИВАНА БОГДАНОВИЧА МИЛОСЛАВСКОГО от 28 августа 1670 года.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... холопи твои, Ивашко Милославской, Ларка Ермолаев, челом бьют. В нынешнем, государь, во 178(1669) году** августа в 26 и 27 числах явились перед нами, холопи твоими, в Сибирску в приказной избе дворовые люди Михайло Ушаков да Юрья Карандашев да сибирской посацкой человек Ульянка Антипов снизу Волги реки, а в роспросе они, Михайло и Юрья и Ульянка, сказали: ехали де они снизу Волги реки к Сибирску, и их де перенимали воровские казаки, не доезжая до Сибирска за пятьдесят верст, и отвезли на низ же Волгою до Усы реки, от Сибирска сто верст, а про вора де, про Стенку Разина, слышали они от воровских казаков, что стоит де он под Самарою, а самареня де своровали, Самару ему вору сдали; да они же слышали от воровских же казаков, что вор Стенка Разин хочет быть кончье под Сибирск на Семен день и того часу хочет приступать к Сибирску всеми силами, чтоб ему вору Сибирск взять до приходу в Сибирск кравчего и воеводы князя Петра Семеновича Урусова с ратными людьми. И только, государь, за мешкаютца твои, великого государя, полки, чайть от него вора над Сибирским великой беды, потому что в Сибирску, государь, в рубленном городе один колодезь, и в том воды не будет на один день, в сутки не прибудет четверти аршина; а кравчей и воевода князь Петр Семенович Урусов из Казани и околничей князь Юрья Никитич Борятинской с Саранска с ратными людьми в Сибирск августа по 28 число не бывали; а от сибирян, государь, в воровской приход

*) Приведенные здесь отрывки взяты из документов, напечатанных в редких изданиях. При чем, нами выбраны только те места, которые относятся к Сибирску, или к его уезду.

**) В документе указан 7178 год по древнему летоисчислению от «сотворения мира». Нами обозначение года в скобках, во всех документах проводится по летоисчислению нашей эры, а месяцы и числа указаны по старому стилю.

чаять опасения большого, смотря на низовые города, что низовые города ему вору сдаются. А мы, холопы твои..., станем сидеть в Сибирску до самой смерти московских приказов с головами и с стрелцами и с сибиряны..., которые обещаютца тебе, великому государю, служить верно...»

(Из приложения № 2 к книжке А. И. Соловьева — Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Изд. Симбирск — 1907 г.).

**2. ИЗ ОТПИСКИ ЦАРЮ ВОЕВОДЫ
ЮРИЯ НИКИТИЧА БОРЯТИНСКОГО
от 31 августа 1670 года.**

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу..., холоп твой Юшка Борятинской челом бьет. Августа в 31 день пришел я, холоп твой, под Синбирск с твоими великого государя ратными людьми, а вор Стенька Разин до моего, холопа твоего, приходу не поспел притить с Самары, а которые передовые люди шли перед ним выше Самары, и те поворотились к нему ж на Самару, уведав про меня, холопа твоего, и твоих, великого государя, ратных людей приход. А со мною, холопом твоим, пришло в Синбирск твоих, великого государя, ратных людей, конных московских стряпчих и дворян и жильцов, и горовых дворян и детей боярских, и мурз и татар немного, а начальные, государь, люди Федорова полку Зыкова и Ондреева полку Чубарова, на Москве взяв твое, великого государя, жалованье, в полки по се число не бывали, а живут в деревнях своих, толко приехал на твою, великого государя, службу ротмистр Афанасей Соймонов, и полков держать некому. А не пойтить было мне, ходоу твоему, к Синбирскому, за такими великими вестми и безпрестанными отписками из Синбирска нельзя, чтоб Синбирска не потерять и в черту б вора не пропустить, чтоб над Синбирским дурна каково не учинил, и с твоими, великого государя, ратными людьми поспешил. А Алексей, государь, Еропкин разбирал служилых людей, и оставлял у себя, и переменял не против твоего, великого государя, указу, для своей бездельной корысти, и великую мешкоту и поруху учинил; а по твоему, великого государя, указу велено ему у себя оставить самых меньших статей, а он у себя оставил лучших людей, арзамасских мурз и татар и иных городов, кому было мочно служить; а рейтарским, государь, полкам прислал списки полковником Федору Зыкову да Ондрею Чубарову, а в списках, государь, написаны многие мертвые, а иные одно имя двояжды и трожды написаны; а на лицо, государь, рейтар полковниковым смотром тысяча триста человек в обоих полках и в том числе треть пеших; а не смотрел я, холоп твой, твоих, великого государя, ратных людей затем, что у Алексея Еропкина были не в сборе, а как, государь,

съедутца, и я их пересмотрю и к тебе, великому государю и великому князю Алексею Михайловичу... писать буду и списки естем и нетем пришло тот час. А будет, государь, проведать вестей подлинно про вора чеким, и я, холоп твой, разобрав людей, пошло посылку, где будут воровские люди, для языков и для подлинной ведомости, а что в посылке учинитца, и о том к тебе, великому государю, я, холоп твой, писать буду тот час... А буде... приход Стенки Разина будет под Синбирск, или присылка от него будет, и я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми Синбирск оборонять и всякой промысл над ним чинить буду...».

(Там же, приложение № 3).

3. ИЗ ОТПИСКИ ЦАРЮ ЮРИЯ НИКИТИЧА БОРЯТИНСКАГО

(дата не указана).

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, ... холоп твой Юшка Борятинской челом бьет. В нынешнем, государь, во 179(1670) году сентября в 4 день пришел вор Стенка Разин с своими единомышленники... под Синбирск стругами и ночью обшел Синбирск и стал выше Синбирска за полверсты до города; и в отдачу часов вышел из стругов и хотел ити к городу на приступ, и я, холоп твой, против его зашел с своим полком, сажен с десять не допуста к городу, прискакали к нему на дуло пищальное; стрельба такая быть почела безпрестанно... и приступать им к городу не дали, и ничего нам не учинили..., и того ж, государь, дни ввечеру приходили на меня, холопа твоего, часу в третьем ночи, а я, холоп твой, стоял в поле ополчась, и бой у нас ночью был великой, и на том, государь, бою убили Дементья Ворыпаева, да алатарца Куроедова, да рейтара Андреева полку Чубарова; а у них, государь, на обеих боях многих побили. И на утрея за полчаса до света почели приступать воры к городу, поговоря и сослався с синбирены; на котором месте стояли синбирены, против тех прясел воры и пришли, и стреляли синбирцы по них пыжами и в острог впустили, и кто в остроге был, всех посекали; казаки почели приступать к городу, а синбирены почели сечь людей боярских, кто тут был, а людей, государь, боярских всех я поставил по стенам с пищальми, и в остроге, государь, было людей на всякой сажене по осми человек; и бились с люди боярскими многое время, а телеги всех ратных людей и лошади были в остроге. А я, холоп твой, со всеми ратными людьми к ним приступал, и они меня, холопа твоего, без пехоты не допустили к городу, я сели по крепким местам и пушки привели, без престани по нас стреляли; и многую, государь, им помешку в приступе учинили. А татаровя, государь, которые в рейтарех и в сотнях, служить худы, и служить с ними не с кем, и не надежны: с первого бою из тех боев многие утекли в дома свои, и нельзя на них на бою надеетсяца, и денег, госу-

дарь, им не для чего терять, чтоб им быть в рейтарех. А начальные, государь, люди после того, как я, холоп твой, писал к тебе, великому государю, в полк ко мне не бывали ни один человек, живут все по деревням своим. А околничей Иван Богданович Милославской сел в малом городке, а с ним головы стрелецкие с приказы и Агеева полку, солдаты и иных чинов люди; и малой, государь, городок крепок, вскоре взять не чаю, только безводен, колодезев нет, и они до тех мест воды навозили много. А я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми отшел в Тетюши и дожидаюсь кравчего и воеводы князя Петра Семеновича Урусова, чтоб нам, холопом твоим, войти опять в Синбирск, и будет Иван сидит, чтоб его от осады свободить, а будет, государь, Ивана взяли, и нам вытти на него; а у него, государь, не многолюдно, болши пяти тысяч нет, худова и доброго, а нынче у него на боях и на приступе безмерно побито лутчих людей много... А надобно бы, государь, итти вскоре на Синбирск, чтоб черту удержать, и вели, государь, мне конных и пеших людей дать, чтоб мне было с кем на поли надежно стоять, чтоб было мне, холопу твоему, с кем над вором промысл чинить и черту удержать...»

(Там же, приложение № 4).

4. ИЗ ОТПИСКИ ПЕНЗЕНСКОГО ВОЕВОДЫ ТАМБОВСКОМУ (дата не указана).

«Господину Якову Тимофеевичу Алексей Лачинов челом бьет. В нынешнем во 179(1670) году сентября в 17 числе писал с Саранска воевода Матвей Вельяминов ко мне на Пензу... А в отписке его написано: в нынешнем де 179(1670) году сентября в 11 числе, посылал де он Матвей с Саранска в Синбирск к околничему и воеводе к Ивану Богдановичу Милославскому проезжую станицу, служилых татар Алтыбайку Баксутина с товарищи, для проведывания... Стенки Разина, и сего ж де месяца в 14 числе те татарова Алтыбайко с товарищи, прибежав в Саранск, перед ним Матвеем в распросе сказали: доезжали де они за реку Суру до татарские деревни, и той же деревни татарин; а как его зовут, и он тово не ведает, сказал ему Алтыбайку, что де он из Синбирска ушел из осады, а Синбирск де рубленой город цел, околничей и воевода Иван Богданович Милославской сидит в осаде, ожидает себе на выручку великого государя ратных людей, и подле городовых стен укрепил крепости, уклад мешками с землею и с солью и с мукою... А город де Корсунь взят, и воевода с женою и детми, и подъячие, и затнищиков и пушкарей тридцать человек побиты, и атаманы де в Корсунь построены, и карсунские де жилецкие и уездные и всяк чинов люди крест целовали... А в Синбирску он Стенка делает бердыши всяких чинов людьми дню и ночью безпрестанно, и загоищики де

*5) Степан Разин.

по всему Сибирскому уезду разосланы и поместных де людей, дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут, а к Сибирску де пройти немочно. И ныне де он воевода Матвей Вельяминов в Саранску от приходу ево воровского сидит в осаде, а воровские де люди от Саранска в тридцати верстах...».

(Там же, приложение № 5).

5. ИЗ РАСПРОСНЫХ РЕЧЕЙ АЛАТЫРСКОГО ГУБНОГО СТАРОСТЫ АНДРЕЯ ТОПОРНИНА В РАЗРЯДЕ.

В нынешнем во 179(1670) году сентября в 23 числе к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... писал из полку боярин и воевода князь Юрья Алексеевич Долгоруково с товарищи и прислали алаторского губного старосту Андрея Федорова сына Топорнина. И Андрей Топорнин в Разряде расспрашиван, а сказал: ... И сентября де против 16 числа в ночи видел он Андрей к Алаторию зарево большое; и сентября де в 17 день доехали ево Андрея в Арзамасском уезде Алаторского уезду крестьяне, бегут в Арзамас, и сказывали, что Алаторской острог воевода Акинфей Бутурлин велел выжечь для того, что на Алаторе малоллюдно и острогу оберечь некем, а хотел де он Акинфей с ратными людьми сесть в осаде в рубленном городе. Да при нем де Андрея на Алаторе всяких чинов люди город крепили рубленой... и хотели сидеть в том рубленном городе, а острог по подлинным вестям хотели выжечь, и он де Андрей знает, что по тем вестям тот острог выжжен. А Сибирские де и Корсунские черты стрелцы и казаки и уездные люди, помещиковы и вотчинниковы крестьяне, и мордва и чуваша великому государю изменили и приложились... к Стенке Разину, и многих де тех городов дворян и детей боярских крестьяне помещиков своих побивают и дома их грабят и ныне воюют Алаторской уезд по ту сторону реки Алатория от Суры реки, и Алаторского уезду уездные люди помещиковы и вотчинниковы крестьяне и мордва Верхосурского стану пристали к ним же...».

(Там же, приложение № 6).

ИЗ РАСПРОСНЫХ РЕЧЕЙ СТРЕЛЬЦА РОДКИ НИКИТИНА

«1670 году октября в 31 день вышел из полону из под Сибирска московской стрелец Яковлева приказу Соловцова Родка Микитин, а в распресе сказал: Послан он был на Царицын с головою Иваном Лопатиным и на бою де взят от воровских людей под Царицыном, а от воров ушел тому ныне четыре недели. А как он был у... Стенки под Сибирском четыре недели, приступал четырки: первой приступ был в день; называл на телеги сено и солому и подвезил под город, из города ево побили; и после де того спустя дни три велел он же... приступать

ночью и велел всякому нести дрова и зажигать город, и на том приступе безмерно воров много побито, и после де другого приступа спустя не многие дни велел вадить вал от Казанские стороны сажена на сорок в длину, и взвели вал близко с городом наровень, и велел на приступ нести дрова и метать через вал, меж вала и городовые стены, и из города де те дрова жгли, — вору мечут, а из города жгут, а в которых местех огонь был велик, и из города де завесили парусами и заливали водою; и теми приступами много людей у вора пропало; и после де тех приступов вору ведомо учинилось, что идет к Сибирску околничей князь Юрья Никитич Борятинской, и... Стенка Разин, выбрав с собою лучших казаков, конных многих людей, подлинно сказать не ведает, и пошел навстречу и шелся с государевыми ратными людьми от Сибирска в ближних верстах на вечер в субботу, тому минуло в субботу в нынешнюю четыре недели; и на том де сходе околничей князь Юрья Никитич будто поторопился и учел от воров подаватца назад и навел тех воров на пехоту, и пехота де из пушек и из ружья... побили многих людей, и достальных учал сечь околничей с государевыми ратными людьми; и с того де бою вор прибежал к Сибирску, а околничей князь Юрья Никитич со всеми ратными людьми вошел в Сибирск в воскресенье в вечеру, а в ночи вор учинил приступ с дровы ж и на том приступе много воров побито; и в понедельник де по утру, взяв надежных своих людей с собою, он вор пошел на суды и отвалил суды от города на другую сторону и хотел итти к Белому Яру; и из города де ратные люди вышли и воровских остаточных людей порубили, а сколько с вором пошло и сколько порублено, того не ведает, толко говорят, многие люди пропали под Сибирским...».

(Там же, приложение № 10).

7. ИЗ РАСПРОСНЫХ РЕЧЕЙ ГЕРАСИМКА ТРОФИМОВА

«Тог же числа (2 ноября, 179(1670 года) к Арзамасу великого государя в шатер привел арзамаской пушкарь Ганка Агнев Григорьев человек Шукина Герасимка Трофимова, а сказал: взял де он того человека от Арзамасу в двадцати верстах в Григорьеве поместьи Шукина, в деревне Чуркине. А в распросе Григорьев человек Шукина Герасимко Трофимов сказал: был де он на службе великого государя с Григорьем Шукным в полку околничего и воеводы князь Юрья Никитича Борятинского, и как де сибирские казаки своровали, острог вору Стенке сдали, и в то де время у ратных людей кошевые телеги воровские люди в остроге взяли и их братю, людей боярских, не отпустили; и после того околничей и воевода князь Юрья Никитич пошел в Казань, а... Стенка Разин к Сибирску приступал четырежды, а на приступ посылал донских казаков и Сибирские черты и иных

уездов мордву и чувашу, а приступал по ночам, а для зажега города возили из уездов солому и делали туры, а в туры клали зелье и смолу и сухие дранцы; и государевы де ратные люди из Синбирска из подошвного бою воровских людей на всех приступех побивали много, и тех де побитых воров Стенка велел хоронить в ямы; а стоял де... Стенка под городом возле острогу, а струги стояли на Волге выше Синбирска против монастыря. И октября де в 1 день пришел из Казани околничей князь Юрья Никитич Борятинской и стал не дошед Синбирска за семь верст обозом, и... Стенка Разин с донскими и Синбирские черты с казаки пошел против государевых ратных людей, и того ж числа у государевых ратных людей с теми воровскими казаками был бой большой, и пушечная стрельба многая, и государевы де ратные люди воровских казаков побили много, а... Стенка Разин прибежал к Синбирску... и околничей де и воевода князь Юрья Никитич и государевы ратные люди того же дня пришли к Синбирску и с государевыми ратными людьми, которые сидели в Синбирску, соединились вместе и на воровских казаков пошли; и к Стенке де Разину перекинулся переметчик из города и сказал, что хотят у него струги отбить и... Стенка пометался в струги с легкими людьми, а досталные шли к стругам отводом, и государевы де ратные люди тех всех побили, а которые метались в струги, и те все от тяжести потонули... И после де бою он Гераська был у Синбирска четыре дни в слободе на Устерени, от города в пятидесять верстах, и слышал, что околничей и воевода Князь Юрья Никитич стоит у Синбирска и у города худые места, которые от пушечные стрельбы попорчены и которые от пожара потлели, и те места заделали. А от Синбирска государевы ратные люди ездят по уезду для конских кормов и емлют хлебной колос для того, что де в уезде сен нет. И тому де ныне недели три пошел он из тое слободы к Арзамасу и шел на Промзино городище и на ардатовской перевоз, и в тех де местах стоят на перевозех воровские люди мордва человек по сту, а в иных де местех воровских людей нигде в сборе не видал и иных никаких вестей не ведает».

(Там же, приложение № 11).

8. ИЗ ОТПИСКИ К ЦАРЮ СИНБИРСКОГО ВОЕВОДЫ

И. Б. МИЛОСЛАВСКОГО

от 2 декабря 1670 года.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу..., холопи твои Ивашко Милославской, Ларка Ермолаев челом бьют: в нынешнем во 179 (1670) году октября в 3 день... ото врага... Стенка Разин с воровскими казаками Синбирск из осады очистился; и о том к тебе великому государю мы холопи твои писали... А Синбирские, государь,

пригородки Юшанск, Тагаев, Белой Яр и Ерыклинск и Аргаш тебе великому государю добили челом и вины свои принесли... А Уренские и Корсунские и Малокорсоновские жители и по сей час тебе великому государю не добили челом и вины своей не принесли, собрався Сибирской и Корсунской черты из пригородков и из слобод и из деревень многие... казаки и крестьяня татаровя и чуваша и мордва тысяч с шесть... и на них, государь, пошел с полки околничей и воевода князь Юрья Никитич Борятинской».

(Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, под редакцией А. Попова, стр. 66 и 67, изд. Москва — 1857 г.).

9. ОТПИСКИ ЦАРЮ КНЯЗЯ Ю. Н. БАРАТИНСКОГО
от 15 декабря 1670 года.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... холоп твой Юшка Барятинской челом бьет: после уренскаго, государь, бою отошел я холоп твой в Тагаев... И ноября в 5 день ведомо мне, государь, учинилось, что... донские казаки Ромашко да мурза Кайко с Саратовскими и с Самарскими и с черты с Корсунскими и малого Корсунова и с Арзамаскими и с Сурскими и с Талскими и с Саранскими и с Пензенскими и с Алоторскими и с Курмышскими и с уездными тех городов со всеми собралось их... с пятнадцать тысяч, и стояли у Барыша реки в Кандарате; и ноября ж, государь, в 6 день из Тагаева... я пошел и пришел к Барышу реке в Усть-Уренскую слободу, и в Усть-Уренской слободе с ертаулом был у меня бой, и на том бою донского казака мурза Кайка ранили, а заводчика попа... Арзамаскаго уезду села Никитина и иных казаков живых взяв, и распрося велел я их казнить смертью... И на утрея, государь, ноября ж в 12 день, поставя обоз, через Барыш реку сделав три моста и через мосты перебрался с полками и с обозом, а они... стояли за Кандараткою речкою под слободою убрався с полками конные и пешие и поставя обоз да с ними двенадцать пушек... А под тем селом переправа речка Кандаратка, и без мосту на той переправе перебраться никоими мерами было немочно ж; и стояли полки с полками с утра до обеда менши полуверсты, и изжидал того, чтоб они перебрались за переправу ко мне, и они за переправу ко мне не пошли. И... я холоп твой... велел пешим полкам... с обозом со всем и с пушками на них наступать, а мы наметав сенами речку Кандаратку перебрались, а у них государь у речки пехота приведена была и бой был великой и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная, а я со всеми полками конными на их конные полки наступил и учинился бой великой; и... тех воров побил и обоз взял да одиннадцать пушек, а друганадцатую затинную пи-

щаль* у них разорвало, да двадцать четыре знамени, и разбил всех врознь и побежали разными дорогами, и секли их... конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах по трупам** нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько как от дождя большие ручьи протекли, а языков, государь, живых взято разных городов и уездов триста двадцать три человека...».

(Там же, стр. 68—70).

10. ИЗ ОТПИСКИ ЦАРЮ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДОЛГОРУКАГО

от 26 декабря 1670 года.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... холоп твой Юшка Долгоруково челом бьет. Декабря, государь, в 25 день писал ко мне холопу твоему, из Саранска товарищ мой, околничей и воевода князь Юрья Никитич Борятинской, с головою московских стрельцов, с Микифором Колобовым: декабря де в 7 день приходили к Алаторю на столника и воеводу на Василия Панина к Ямской слободе собрався воры конные и пешие, и он иде Василий, уведав про них пошел против их со всем своим полком и сшелся с ними под Мордовскую деревню Баевою; и к нему де товарищу моему, к околничему и воеводе он Василий прислал весть, что он с ворами сошелся, и у него с ними бой; и он околничей и воевода послал в помощь сотенных голов пяти человек с сотнями а он де товарищ мой, околничей и воевода, на тех воров со всеми твоими, великого государя, ратными с конными и с пешими людьми пошел за ними ж; и до его де, государь, приходу того дни бой разошелся для того, что де, государь, приспела ночь, а на том де, государь, бою... столник и воевода Василий Панин с твоими, великого государя, ратными людьми тех воров любил и взял осмнатцать знамень да пушку. И пришли де, государь, он товарищ мой околничей и воевода, а с ним Василий Панин со всеми полками, с конными и с пешими людьми, под село Тургенево и стали в мордовской деревне Баеве от их воровского обозу в версте. И декабря де, государь, в 8 день пошли они из той деревни Баевы на их воровской обоз, разобрався полками, а были де, государь, у них воров их воровские промышленники из Саранска, донской казак Алешка Савельев, да Мурза Кайко, да... Янка Микитинской, а с ними было воров болши двадцати тысяч, и поставя де, государь, они воры обоз и пехоту построя и рогатками обметався, и конные их полки стали у их пехоты, и пушки поставил

*) Пищаль затинная — от слова затынная, крепостное ружье или пушка установленные на специальных подставках за тыном — крепостной стеной.

**) В тексте — «в труп».

около обозу и около конных полков; и твои де, великого гоеударя, ратные люди почали на них наступать, пехота на пехоту, а конные на конных, и учинился бой большой... твои, великого гоеударя, ратные конные люди воровских конных людей сорвали, а пехота их... пехоту сбила, и побили воров на голову и секли их... конные на пятнадцати верстах, а достальные побежали врознь безпамятно, а пешие де твои, великого гоеударя, ратные люди воровской обоз взяли и в обозе пехоту их многую посекали, и живых воров на том бою взято много, и они де их велели всех казнить смертию. Да на том же, гоеударь, бою взяли твои, великого гоеударя, ратные люди ево околничего и воеводы полку пятьдесят знамен да шеснацать пушек, а столника де и воеводы Васильева полку Панина взяли на том бою осмнатцать знамен да четыре пушки. И с бою де, гоеударь, отошли они на Алаторь; и декабря де, гоеударь, в 11 день с Алаторя пошли они в Саранск, и вору, которые были в Саранску, донской казак Алешка Савельев с товарищи, уведав, что он околничей и воевода идет к Саранску, побежали все врознь на Пензу, а с Пензы на Саратов и в иные места. И как де он околничей и воевода пришел в новую казачью пятину, от Саранска за пятнадцать верст, и пришли де, гоеударь, к ним из Саранска и с Отемару священники и саранские и атемарские жители всякого чину со святыми иконами и тебе, великому гоеударю царю и великому князю Алексею Михайловичу..., в винах своих добили челом и говорили им, чтоб послать и велеть города принять; и они де, гоеударь, послали наперед себя в Саранск полуголову московских стрелцов Луку Изъединова; а он де товарищ мой, околничей и воевода князь Юрья Никитич, пришел в Саранск декабря в 16 день и вору, которые воровали и бунтовали, указ учинил, которые чего довелись. А столник де и воевода Василий Панин пришел на Атемар того ж числа и, воров сыскав, то ж учинил, кто чего довелся... Да ведомо де, гоеударь, им учинилось, что... атаман, воровской их промышленник, Мурза Кайко, с бою сбежав, и жил в мордовской своей деревне Костяшине; и по их де, гоеударь, посылке того вора поймали и к ним привели, и он товарищ мой, околничей и воевода, того вора прислал ко мне, холопу твоему, с головою московских стрелцов с Микифором Колобовым. Да декабря ж де, гоеударь, в 23 день привели к нему в Саранск Терентьевы сотни Лихутина татарова мордвина Саранского уезду деревни Шугуровы Пошатка Елашева, который ходил с мордвою атаманом и с воровскими казаками на всех боях был; и он де околничей и воевода велел того вора Пошатка повесить».

(Из приложения № 14 к книжке А. И. Соловьева — Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Изд. Симбирск — 1907 г.).

II. ИЗ ГРАМОТЫ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА СИБИРСКОМУ И КАЗАНСКОМУ ВОЕВОДАМ

от 10 декабря 1670 года.

Статья 1-я.

«По указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича...», стольнику Илье Ивановичу Чирикову ехать в Сибирской да в Казань, а приехав в Сибирской от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича... спросить околничего и воеводу Ивана Богдановича Милославского и дьяка Лариона Ермолаева и голов и полуголов московских стрелцов и синбирян дворян и детей боярских и московских стрелцов всех синбирян и служилых людей, которые в осаде сидели, о здоровье и говорить околничему и воеводе Ивану Богдановичу и дьяку Лариону: ноября в 14 да декабря во 2-м числах писали к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу... что... Стенка Разин с товарищи пришед Синбирску... и стал под Синбирским, ниже Синбирска в трех верстах на Чувичинском острове, и с Чувичинского острова перешел и стал выше Синбирска с версту под пустынею, и того часу вышел из судов на гору и стал в старом городище, и он околничей и воевода на него... послал ратных людей... на том бою их... казаков многих побили и в полон поймали... Сентября в 5 число... Стенка с воровскими казаками приступал к новому острогу; и он околничей и воевода сели в Синбирску в рубленом городе с головами московских стрелцов с Иваном Жидовиновым да с Васильем Бухвостовым да с Матвеем Марышкиным и их приказов с московскими стрелцами, да с ними ж сели в осаде синбиряня дворяне и дети боярские и корсунцы и Сибирской и Корсунской черты пригородошные служилые люди, и сидели... в осаде сентября с 6 числа до октября по 3 число, и сидя в осаде многие нужи терпели, и приступы были от воровских казаков и от синбирских изменников самые жестокие, и вал земляной к городу приваливали к самому рву, и из за того вала приметы к городу метали большие дрова с соломой и возы с сеном и с соломой возили и пуками и разожженными ядрами беспрестанно город и башни зажигали, а приступы сбили беспрестанные. А как пришел он к Синбирску на выручку околничей и воевода князь Юрья Никитич Борятинской великого государя с ратными людьми, и он околничей и воевода послал на их воровские шанцы* великого государя ратных пехотных людей, и на том бою... казаков многих побили, и... казаки учали к Синбирску приступать многими людьми и приметы приметали. А после ж он... Стенка ранен тяжелою раною и с... казаками побежал в судах Волгою рекою; и он околничей и воевода Иван Богданович,

* Шанцы — окопы.

поговоря с околничим же и всево́дою со кня́зем Ю́рьем Никитичем Борятинским, послали многих великого государя ратных людей на воровских казаков, которые остались под Синбирским в шанцах, и тех воров всех побили, а в подон взяли... казаков болши шти сот человек, и тех воров велел он околничей и воевода казнить смертью... и которые... остались после побёгу... Стенки Разина и сбирались в Надеинском усолье, и тех по его околничего и воеводы посадские ратные люди побили и живых поимали.

(Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, под редакцией А. Попова, стр. 86—90, изд. Москва — 1857 г.).

ОБЪЯСНЕНИЕ

старинных слов в тексте

Арбугинские поля — так называлась местность к югу от Симбирска. В 1669 году, по свидетельству П. Мартынова, на Арбугинских полях было пять слобод: Кременки, Криуши, Шиловка, Тушна и Ключищи.

Бердыш — широкий топор, насаженный на длинное черенище.

Бить челом — просить о помощи, просить о помиловании и т. п.

Будники — работные люди на будах, т. е. на варке смолы, дегтя и других промыслах.

В естях — от слова есть, налицо.

В нетях — от слова нет, отсутствуют.

Вор — этому слову в XVII веке придавалось иное значение, чем теперь. Ворами называли всех, кто шел против закона, против государства.

Вотчина — земельные угодья, находившиеся в полной собственности владельца.

Городовые дворяне — дворяне, проживавшие в провинциальных городах.

Губной староста — судья, второе лицо после воеводы.

Дьяк — высший чиновник, или приказной.

Думные дворяне — члены боярской думы. В XVII веке было 42 фамилии думных дворян из менее знатных родов.

Жильцы — уездные, провинциальные дворяне, жившие при государе временно на военной службе.

Казанский дворец — иначе приказ по управлению делами на территории Поволжья, от Казани до Астрахани.

Казачество — Разин намеревался установить во всей Руси «казачество» т. е. народное самоуправление в виде казачьего круга, собрания, где все дела решались большинством.

Литавры — музыкальные инструменты, род музыкального барабана.

Мурза — татарское слово, соответствующее русскому — дворянин.

Отписка — от слова отписаться. Все донесения воевод царю называли отписками.

Памяти или Прелестные письма — воззвания Разина.

Подьячий — помощник дьяка, чиновник Приказа (приказной).

Поместье — земельное имущество, находившееся во временной собственности владельца — помещика, пожалованное ему государем как жалование за службу.

Пошета́лись — от слова шатость, колебание, волнение. «Крестьяне пошета́лись» — по выражению боярина Б. Хитрово, значит приняли участие в восстании, возглавляемом Разиным.

Приказ — В XVII веке приказами называли высшие государственные учреждения.

Приказные — Чиновники приказа.

Рейтарские полки — конные полки, скомплектованные из привилегированных сословий — дворян и детей боярских.

Семен день — религиозный праздник 1 сентября старого стиля.

Стольник — придворный чин.

Стрелец — пеший воин.

Стрелецкий голова — высший чин стрелецких войск; командир воинской части.

Стружок — небольшое судно.

Стряпчий — чиновник судебного ведомства.

Сытный дворец или «сытный двор» — «приготовлял и сохранял разные «пития про царский обиход».

Торговая казнь — наказание кнутом публично, на площади, на торгах.

Челобитье — просьба, прошение.

Черта Симбирско-Карсунская — укрепленная военная линия от Симбирска до Карсуна.

Шерть — присяга на подданство. Шертовать — давать клятву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. И. Ленин — Сочинения, том III, гл. XII и XXIV.
2. И. В. Сталин — Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Огиз, 1938 г.
3. Карл Маркс — Стенька Разин, журнал Молодая Гвардия № 1, январь 1926 года.
4. Ф. Энгельс — Крестьянская война в Германии. Огиз, 1939 г.
5. История ВКП(б) — Краткий курс, изд. 1938 г.
6. История СССР под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл. корр. Академии Наук С. В. Вахрушина, изд. 1939 г.
7. Н. Рубинштейн — Русская историография. Госполитиздат, 1941 г.
8. Г. В. Плеханов — История русской общественной мысли, том II, Москва, 1917 г.
9. Проф. Пичета — История крестьянских волнений в России, Минск, 1923 г.
10. А. Чапыгин — Разин Степан, изд. 1932 г.
11. С. М. Соловьев — История России с древнейших времен, том XI.
12. Н. И. Костомаров — Бунт Стеньки Разина.
13. Проф. Фирсов — Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни, Москва, 1920 г.
14. «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». А. Попов, Москва, 1857 г.
15. А. И. Соловьев — Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Изд. 1908 г.
16. Живописная Россия. Том VIII, часть первая, «Среднее Поволжье», изд. 1901 г.
17. А. Н. Лозанова — Народные песни о Стеньке Разине, изд. 1928 г.
18. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, приложение к памятной книжке на 1868 год, Симбирск, 1868 г.

19. К. И. Невоструев — Историческое обозрение Симбирска, изд. 1909 г.

20. Книга строельная гор. Симбирска, издание Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии, под редакцией П. Мартынова. Симбирск, 1897 г.

21. А. П. Зерцалов — Приходо-расходная книга, Симбирской Приказной избы, изд. 1896 г.

22. Справочная книга и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1904 год.

23. Справочная книга и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год.

24. П. Мартынов — «Селения Симбирского уезда», изд. 1903 г.

25. В. Михайлов — «Разиновщина», Москва, 1920 г.

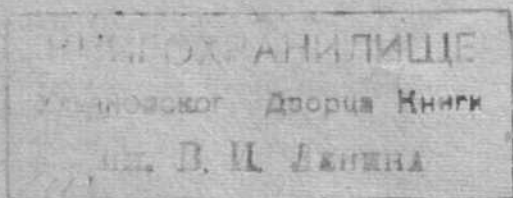
26. Я. Я. Стрейс — «Три путешествия», СоцЭКГИЗ, 1935 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР.

1. Предисловие	3
2. Введение.	11
3. Симбирск накануне восстания.	15
4. Предпосылки восстания в симбирском крае.	19
5. Восстание в Симбирске.	29
6. Восстание в симбирском крае.	42
7. Казнь Степана Разина.	55
8. Вторая осада Симбирска.	58
9. Заключение.	60
10. Приложения.	62
11. Объяснение старинных слов в тексте.	74

52962

Редактор Д. П. ВЕКШИН

Тех. ред. Н. Ф. КОЛОГРЕЕВ.

Худ. Д. И. МАРКЕЛОВ

ЗМО.705. Заказ — 529. Тираж 10000 экз. 5 печ. листа. Форм. бум. 1/16 п. л. Колич. зн. в 1 п. л. 37.840. Сдано в производство 18/II 1947 г. Подписано к печати 4 VI 1947 г.

Типография Ульяновского Облполиграфуправления.
г. Ульяновск, ул. Ленина, 112.